

ТУТАНКАНАРА

СЕРГЕЙ ПОДГОРНЫХ

18+

Сергей Подгорных
Тутанканара

«Автор»

2026

Подгорных С.

Тутанканара / С. Подгорных — «Автор», 2026

Леон Джаггер — бывший космодесантник, чемпион по боевым единоборствам, человек, которого прозвали Тутанканара — тот, кого остановить невозможно, — оказывается в гуще событий, где главная битва ждёт его впереди. Космический боевик, замешанный на мистике и древних легендах. Адреналиновое путешествие от тюремных рудников до подземных миров Страны слёз, где единственный закон — сила воли и желание свободы.

© Подгорных С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Часть 1. РАБ	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	51
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тутанканара

Глава 1. Часть 1. РАБ

И он найдет тебя, где бы ты ни спрятался,
И он догонит тебя, куда бы ты ни скрылся,
И он вырвет твое сердце, как бы ты ни был силен,
Потому что он — Тутанканара,
Тот, кого остановить невозможно.
(Георгарес, V век новой эпохи)

Я летел на Землю. На планету, чей порядковый номер известен лишь десятку-другому пан-астрономов — специалистов по планетарным системам Галактики. Планету с низким техноуровнем развития. Планету, где существует странный обычай — встречать и праздновать наступление Нового года.

Планету, на которой я родился и где живут мои родители.

Всё последнее время меня постоянно манило туда. Что это было? Щемящее чувство любви к родине, где в зрелом возрасте побывал лишь один раз? Невесть откуда взявшаяся ностальгия по местам, о которых имеешь лишь смутное представление? По бесконечному ковру лесов. По бездонным морям. По синеве бескрайнего неба... Или по незабываемой тишине планеты, всё развитие которой ещё впереди.

Не знаю... Скорее всего, нет. За свою бурную жизнь я посетил много таких мест. С такой же синевой неба, с такими же лесами и морями. Однако, покидая их, чувства ностальгии у меня не возникало. Всё дело, наверное, в том, что я сам человек с планеты Земля. С планеты, которая так просто не отпускает. Любой землянин, куда бы его ни забросила судьба, всегда обречён возвращаться домой. Всё же это особая планета.

И я один из её детей. Я — Леон Джаггер. Бывший космодесантник Федерации. Человек, родившийся на Земле, но ещё в младенчестве похищенный работоторговцами. К счастью, меня быстро освободили из рабства, и я попал к своим приёмным родителям — Тамиле и Каас Джаггерам — звёздным торговцам с Джагии — планеты, ставшей на время моим домом. Едва достигнув совершеннолетия, я покинул приёмный дом. Мне пророчили великолепную карьеру, обеспеченное будущее, но я выбрал другой путь. Путь скитальца. Семь лет по контракту отпахал в космодесанте. Где только не побывал, исколесил Галактику вдоль и поперёк. В какие только передряги не попадал, в каких только переделках не участвовал. Всего не опишешь. Похоронил многих друзей, почти всех, кто начинал со мной службу в учебном центре на Падее. Нелегка и опасна служба космодесантника. Но мне повезло — я остался жив и нашёл планету, на которой родился. Нашёл своих настоящих родителей.

И сейчас я летел на встречу с ними. На встречу с планетой по имени Земля...

Тяжёлая металлическая дверь с лязганьем и шумом выпускаемого воздуха медленно отползла в сторону. Волны дезинфицирующего газа клубами поднялись вверх. Густой молочно-белый туман полностью окутал нас. Спустя минуту туман развеялся. Мы смогли рассмотреть выход из шлюза и устремились к нему. Мы — это несколько нелегальных путешественников в подпространстве.

Попасть на планету Земля нелегко. Множество проблем и неприятностей ждёт всякого, кто решится на столь рискованный шаг. Всё дело в том, что эта планета — историческая вотчина Теров. Территория, находящаяся под их юрисдикцией. Зона их жизненных интересов. А

Теры очень не любят, когда кто-то посягает на их собственность. Тем более, когда этот кто-то из Галактической Федерации, с которой Теры хоть и не находятся в состоянии войны, но также не находятся и в состоянии мира.

Выбравшись из шлюза, мы вышли в просторное овальное помещение. Всюду, сияя медицинской белизной, виднелись различные генераторы Тау-полей и всевозможные нейтрализаторы нелинейной гравитации. Глядя на это нагромождение аппаратуры, с трудом верилось, что такое дорогостоящее оборудование принадлежит контрабандистам — людям, объявленным вне закона на большей части планет Федерации и, конечно же, Терами. Да, Теры их особенно не любили. Не любили и уничтожали на месте при любом удобном случае. И случаев таких зарегистрировано уже немало.

В пространство Галактики, контролируемое Терами, официально попасть невозможно. Ни под каким видом, ни под каким предлогом. Все попытки пересечь границу, отделяющую владения Теров от остальной части Галактики, всегда заканчиваются трагически. И для кораблей нелегалов, и для судов вполне добропорядочных, достойных граждан. Если вы случайно, неважно по каким причинам — была ли это ошибка пилота или же приборы на вашем корабле ввела в заблуждение невесть откуда взявшаяся неоманитная буря, — словом, если вы попали на территорию, находящуюся под юрисдикцией Теров, то считайте, что ваша песенка спета. И если вы заранее не составили завещания, то поступили крайне необдуманно. Стоит вам оказаться в поле зрения одного из автоматических патрульных кораблей Теров — это будет последнее, что произойдёт в вашей жизни. Теры потом, конечно же, принесут соболезнования вашим родственникам, назовут происшедшее трагической случайностью, но им от этого легче не станет. Атомы, бывшие когда-то вашим телом и расплывшиеся протогенератором по всей Галактике, будут к тому времени стремиться в неизвестность. К новой безгрешной жизни...

Контрабандистов было трое. Одного длинного и тощего я знал. Именно с ним договаривался на Даране. Ему платил за перелёт на Землю. Туда и через месяц обратно. За двоих. Майя увязалась со мной. Как ни упрашивал её остаться, ничего из этого не вышло. Девушка настояла на своём и, несмотря на многочисленные опасности, подстерегающие нелегальных путешественников в подпространстве, уговорила взять её с собой. Это и понятно: если для меня Земля лишь место рождения, то для неё эта планета значила гораздо больше. Это её второй дом, в котором осталось много друзей и знакомых. Место, с которым многое связано.

«Какая же ты у меня всё-таки упрямая и... красивая», — подумал я и с нежностью посмотрел на свою подругу. Она, не замечая моего взгляда, пристально глядела на одного из контрабандистов. Маленького с кривыми ножками субъекта, который, в свою очередь, нагло, с каким-то омерзительно противным, сальным выражением лица разглядывал девушку. Не выдержав взгляда коротышки, Майя отвела глаза. Контрабандист криво ухмыльнулся и случайно посмотрел на меня. Лучше бы он этого не делал. Мой неласковый взгляд буквально приковал кривоногого к полу. Не выдержав испепеляющего взгляда, тот засуетился. Глаза кривоногого беспокойно забегали. Руки стали торопливо и совершенно без необходимости крутить регуляторы настройки индикатора излучения Тенна. Наконец, для пущей надёжности, он вообще спрятался за спину третьего контрабандиста — здорового бугая с необъятной шеей и гипертрофированно выпирающими бицепсами. Бугай взглянул на нас и недовольно буркнул:

— Чего встали, как троянские кони? Идите к терминалу.

— Идём, командир, — ответил я и добавил, обращаясь к Майе: — Пойдём, милая.

Девушка покорно кивнула и, украдкой бросив взгляд в сторону кривоногого субъекта, чуть слышно сказала:

— Не нравится мне всё это, Леон. Какие-то скользкие они. А этот кривоногий так вовсе готов съесть меня прямо на твоих глазах.

— Ну, этого, положим, у него никак не выйдет, — чуточку хвастливей, чем следовало, ответил я. — Слаб здоровьем вышел, кривоножка. Я просто дуну, и его найдут за пару сотен парсеков отсюда. Где-нибудь у Кассиопеи.

— Так-то оно так, — взглянув на меня, ответила девушка. — Только что-то беспокойно у меня на душе.

— Не переживай. Самурай — это тот, тощий, — клялся и божился, что

всё проделает наилучшим образом. Перелёт займёт не больше минуты. Всё будет нормально. А если что-то и будет ненормально, то я этого Самурая и его дружков не то что из-под земли — с того света достану. Самурай об этом прекрасно знает.

— Ну, если так, тогда пошли, — немного успокоенная моим уверенным тоном, проговорила девушка, и мы, взявшись за руки, двинулись к остальным из нашей группы.

То, что желающих посетить Землю оказалось так много, стало для меня полной неожиданностью. Я наивно полагал, что мы с Майей единственные, кто стремится попасть на эту забытую богом планету, находящуюся где-то на окраине Галактики, вдали от любой из столиц Федерации. Позднее я понял, что это не совсем так. Ситуация немного прояснилась благодаря услышанным разговорам, когда мы летели на небольшом, но достаточно вместительном грузо-пассажирском галобусе до прокси-астероида из двойной системы Большого Единорога. Астероида, где располагался вход в подпространственный туннель на Землю. Всего в нашей группе насчитывалось двадцать два человека. Это вместе со мной и Майей. Судя по обрывкам разговоров, тринадцать нелегалов оказались варнавалийцами. Я немного понимал их очень сложный, многоуровневый язык, хотя и не подавал вида. Из тех обрывков, что смог разобрать, выходило: через Землю они следуют транзитом. Там пробудут недолго — ровно столько, сколько необходимо, чтобы пройти от входного терминала к выходному. Конечная же цель поездки их группы — одна из планет в системе Рокка. Судя по виду, все они были работягами и надеялись на хорошие заработки на новом месте.

Остальные семеро направлялись, как и мы, на Землю. Для чего — это осталось для меня загадкой. Скорее всего, все наши попутчики не знали друг друга и отправились на мою родину каждый по своим делам. Что это были за дела, оставалось лишь гадать. По виду никак нельзя было определить, кто эти люди. Разного возраста и комплекции, они ничем не выдавали своего рода занятий.

Пожалуй, кроме одного. Этот высокий, со спортивной фигурой и военной выправкой человек мог иметь отношение только к одному виду человеческой деятельности. Причём самому опасному. А именно — к военному ремеслу. И в этом не было никаких сомнений.

Я на секунду встретился с его взглядом — хищных серых глаз. Конечно, это явно не землешапец.

Всё так же, держась с Майей за руки, мы подошли к терминалу Т-перемещения. Варнавалийцы, сгрудившись у транспортной кабинки, оживлённо переговаривались, стрекоча на своём малопонятном языке. Заплатив приличные деньги, они хотели быстрее попасть в систему Рокка. Остальные нелегалы, не обращая на нас ни малейшего внимания, молча стояли неподалёку.

Самурай в длинном до пят сером плаще опёрся на пульт управления выпускным шлюзом и нетерпеливо постукивал тощим пальцем по корпусу агрегата. Он коротко кивнул, приветствуя меня.

— Привет, Самурай, — в ответ кивнул я. — Какая-то задержка? Проблемы?

— Обычное дело, Джаггер, — стараясь успокоить, ответил контрабандист. — Ждём сигнала синхронизации с Земли. Потерпи несколько минут.

— Да я-то потерплю. Варнавалийцам, похоже, не терпится. Спешат, торопятся.

— Ага. У них контракт где-то на Рокка. Мечтают отхватить мешок кредиток.

— Мне бы их проблемы, — усмехнулся я.

— А тебе, Джаггер, на кой сдалась эта Земля? — как бы невзначай поинтересовался Самурай.

— Да уж сдалась, — неопределённо ответил я и, стараясь переменить тему разговора, спросил: — Обратно, надеюсь, не возникнет никаких проблем? А то застрянем на этой Земле навсегда. Я думаю, там будет сложновато взять в аренду даже обычный меомобиль, не говоря уже о чём-нибудь более существенном.

Самурая развеселило предположение, что на Земле можно отыскать агентство по прокату меомобилей.

— С тобой не соскучишься, Джаггер. Скажешь тоже — меомобиль. Ты хоть раз бывал на этой Земле? Там не то, что меомоб — трековый автоматизатор днём с огнём не отыщешь. Они же отсталые.

— Вот и я о том же, — вновь игнорируя вопрос Самурая, подхватил я. — Надеюсь, обратно на Даран мы попадём без проблем.

— Конечно, конечно, — подтвердил Самурай. — Не первый год работаем с этой Землёй. У нас там несколько стационарных кабин. Система налажена. На саму Землю желающих попасть немного, а вот транзитом проходит немало галактического народа.

— Похоже на то, — согласился я. — Видно, что вы подходите к делу профессионально. Такой аппаратуры, наверное, нет и у федералов.

— Это точно, — оживился Самурай. — Кое-чего и нет. Всё наше оборудование — высший класс. Яванской сборки. Работает, как тахитронные часы. И временной сервис, сам видишь, какой. По лучшим галактическим стандартам.

— Но и денежки вы за такой сервис берёте немалые, — усмехнувшись, проговорил я. — Недешевы ваши путешествия в подпространстве.

— Что поделаешь, за хороший сервис надо хорошо платить. Дорогостоящее оборудование должно окупаться. Да и согласись, Джаггер, иногда подпространственный скачок стоит того, чтобы за него прилично заплатить. Взять хотя бы эту отсталую Землю. Обычным способом через пространство туда никак не попадёшь. Теры тебя поджарят, не успеешь и рта в своё оправдание раскрыть. А мы, сам видишь, безопасность и своевременность доставки гарантируем. Правда, за немалые деньги, но гарантируем.

— Ну, это мы ещё увидим. Пока что я не имел случая убедиться в вашей работе. Пауза затягивается.

— Действительно, что-то долго нет синхро с Земли, — подтвердил Самурай и, обращаясь к возившемуся у противоположной стены с тегомонометром кривоногому коротышке, грубо прикрикнул: — Крот, что у тебя за проблемы? Опять «овса» объелся? Тормозишь, как утюг на пластобетоне. Смотри, допрыгаешься. Узнает бугор, что ты на работе балуешься, вмиг кишки выпустит!

— Сам ты объелся, — недовольно буркнул Крот, сжавшись от окрика Самурая. — Я же не виноват, что синхро с этой Земли запаздывает. Может, у них там неомагнитная буря или ещё что? Откуда мне знать.

— Что-то я не припомню никаких проблем с Землёй. Там у нас сквозной канал, а ему, будет тебе известно, неомагнитные помехи не страшны. Темнишь ты, Крот.

— Сам ты темнишь. Бывают с Землёй проблемы, и ещё какие. Ты в этом рукаве Галактики недавно, поэтому не в курсах, что, где и как. А мы здесь уже не первый год и многое повидали. Можешь спросить у Стероида. Он не даст соврать.

Бугай, стоявший неподалёку от кривоногого и внимательно наблюдавший за тем, как Крот сосредоточенно крутит ручки настройки тегомонометра, молча кивнул.

Самурай хотел ещё что-то добавить, но в этот момент настойчиво заморгал индикатор входного шлюза. На терминал контрабандистов прибыли гости.

Бугай неторопливо направился к входному шлюзу, а я, стараясь не думать о непредвиденной задержке, подбодрил стоявшую рядом Майю.

— Потерпи немного, Майечка. Скоро мы будем на Земле.

— Да уж скорее бы, — вздохнув, сказала девушка.

Было заметно, что ситуация, в которую мы попали, угнетает Майю. Наверное, любой на её месте чувствовал бы себя неуверенно. Не каждый день приходится нелегально путешествовать в подпространстве. Возможно, она просто устала. Многочасовой перелёт в тесном, битком набитом галобусе может измотать кого угодно.

Девушка, зябко поёжившись, посмотрела мне в глаза. Я, стараясь ободрить, придать больше уверенности, обнял Майю. Она в ответ прильнула ко мне.

Прошло больше года с тех пор, как мы покинули Землю. Живы ли наши близкие? Всё ли с ними в порядке? Мы не знали, что произошло за этот год на Земле. Не знали, но надеялись на лучшее.

Мы не знали даже, какая сейчас там погода. Майя высчитала, что сейчас в том месте Земли, куда мы стремились, весна, и оделась в короткую кожаную куртку и джинсы. Я же, памятуя о том, как в последний раз мёрз на Земле, нарядился в классический костюм и длинный с автоподогревом эситофоновый плащ. Наряд мы, естественно, выбрали такого фасона, который бы не очень отличался от земной одежды. Так что выглядели мы вполне по-земному. Единственное, что могло выдать во мне гражданина Федерации, — это энергопистолет марки «Горный орёл». Оружие небольшое, но достаточно энергоёмкое. Спрятанный во внутренний карман плаща энергопистолет придавал дополнительную уверенность на случай непредвиденных опасностей.

Дверь входного шлюза с лязгом отодвинулась, и из проёма повалил густой белый газ. Все, находящиеся в терминале, с любопытством уставились, ожидая, кто сейчас появится из облаков дезинфицирующего вещества.

Я же на секунду отвлёкся, наблюдая за кривоногим. Похоже, Крот знал, кто прибыл на терминал. И не просто знал, но и был рад прибытию гостей. Он оживился. На лице коротышки опять появилось противное сальное выражение. Он вновь с вождением взглянул на Майю. Всё это выглядело настолько омерзительно, что девушка, не выдержав, вздрогнула. Крот криво ухмыльнулся и, уже не испытывая страха, посмотрел мне в глаза.

«Похоже, приятель, ты нарвался на крупные неприятности», — подумал я, собираясь подойти к контрабандисту с тем, чтобы немного встряхнуть его. Чтобы знал, где его место, и вёл себя в следующий раз поприличней.

Я уже сделал шаг к кривоному, когда краем глаза заметил странную, тревожную картину. Дезинфицирующий газ к тому времени почти развеялся, и из входного шлюза вышли несколько человек. Все они были в лёгкой полуброне класса «Правопорядок» и вооружены армейскими парралоидными излучателями. Широкие раструбы парализаторов смотрели прямо на нас.

Самурай также заподозрил неладное и, мгновенно выхватив молекулярный меч, ринулся к вновь прибывшим.

Самураем его прозвали не зря. Я знал этого контрабандиста много лет и не раз видел в деле. Несмотря на довольно хилое сложение при высоком росте, двигался всегда Самурай быстро, нанося при этом на удивление сильные удары. Молниеносно менял позиции, резко разворачивался, уклонялся, делал стремительные выпады. Искусство владения холодным оружием он знал в совершенстве.

Прибывших в терминал было пятеро. И прибыли они, судя по всему, с недобрыми намерениями. Армейские парализаторы так просто на людей не направляют. Самурай, придерживаясь того же мнения, быстро приближался к людям в полуброне. Он находился не более чем в метре от первого из вновь появившихся, когда встретил свою смерть. Не от людей в армейской

полуброне. Энергозаряд попал ему в спину, разорвав в клочья плащ и бросив окровавленное тело на пол. Выхватывая оружие, я отвлёкся от наблюдения за Кротом, поэтому не успел заметить, когда кривоногий выстрелил в Самурая, но отчётливо увидел омерзительную улыбку, расплывшуюся на уродливом лице предателя.

Мне, в общем-то, было уже не до Крота. В этот момент я был занят другим. Большим пальцем правой руки снимал предохранитель с энергопистолета. Если бы я успел это сделать, то, возможно, дальнейшие события развивались бы совсем по иному сценарию. Возможно, всё сложилось бы не так. Всего доли секунды не хватило мне для того, чтобы привести энергопистолет в боеспособное состояние. Тысячной доли секунды.

Мощный пучок депрессирующих полей с силой ударил в мою грудь. Едва не потеряв сознание, я упал на пол, выронив при этом пистолет. Не помогли все мои антидепрессанты, вживлённые в головной мозг. Вся моя подготовка космодесантника оказалась бесполезной. Когда в упор расстреливают из четырех армейских парализаторов, ничто не спасёт и ничто не поможет. Ни сверттренинг, ни самые хитроумные приборы.

Тем временем пятый из нападавших направил парализатор на остальных нелегалов. В тот же миг все они, словно фишки тарано, стали валиться на пол. И Майя в том числе. У меня больно сжалось сердце, видя беспомощное состояние девушки, но поделать я ничего не мог. Я сам лежал на полу без движения, способный лишь наблюдать за происходящим. Мне нужно было несколько минут. Всего несколько минут. А потом мы посмотрим, кто кого.

Энергопистолет отлетел к противоположной стене терминала. Если я успею оправиться от действия парализующего излучения до того, как напавшие на нас поймут, что я вовсе не парализован, то у меня появится шанс. Шанс повернуть всё в лучшую сторону.

Парализованная Майя, неудобно подвернув ногу, лежала неподалёку. С испуганным выражением лица, глядя на меня остекленевшими, безжизненными глазами, она словно молила о помощи. Конечно же, это было не так. Все парализованные находились сейчас в глубокой фазе гипносна и совершенно не понимали, что с ними происходит. Из всех, подвергшихся нападению, я единственный, кто мог что-то предпринять. Не сейчас — спустя несколько минут, — но всё же мог. Стараясь не выдать взглядом, что понимаю происходящее, я стал наблюдать.

Расправившись с нелегалами, люди в полуброне успокоились. Не обращая внимания на труп Самурая, они разбрелись по терминалу, занявшись каждый своим делом. Тем, ради чего сюда и прибыли.

А прибыли они сюда за рабами. Эти пятеро оказались работоторговцами. И в этом не оставалось ни малейшего сомнения.

Я это понял сразу же, как только услышал, что они говорят на каре — сленге торговцев людьми. Судя по всему, наша группа была обречена с самого начала. Крот и тот здоровенный бугай — Стероид — сдали нас задолго до сегодняшнего чёрного дня.

Вообще-то, контрабандистам ни к чему всё это: работоторговля, похищение людей. Они неплохо зарабатывают своим ремеслом и ценят хорошую репутацию. Если у людей такого толка может быть хоть какая-то репутация. Но определённый авторитет у них имеется, свой кодекс чести и порядка. Оно и понятно: если станет известно, что люди, воспользовавшиеся услугами контрабандистов, начнут исчезать, появляясь потом на рынках работоторговли, то их бизнесу быстро придёт конец.

То, что сейчас происходило, не походило на обычную заготовку рабов. Насколько я мог судить, все в нашей группе были из Галактической Федерации. А Федерация очень не любит, когда похищают её граждан. Настолько не любит, что может вдребезги разнести целую планету ради спасения одного-двух заложников. И это не громкие слова. Я сам участвовал в нескольких подобных операциях, когда для спасения десятка граждан Федерации задействовались силы планетарного масштаба. Галактическая Федерация своих в обиду не даёт. Работоторговцам куда

легче и проще похищать людей с отсталых, развивающихся планет. Например, с Земли. Проблем, как правило, при этом бывает у них гораздо меньше.

Работоторговцы принялись рассматривать свой улов.

— Темпокамер у нас только пятнадцать, так что лишних в утиль, — отдал команду один из них — на вид крепкий парень лет двадцати пяти со свирепым выражением лица и, судя по всему, главный в шайке.

— Отстой, надо было брать больше темпушек, — отозвался совсем ещё молодой работоторговец, раздвигая ножом зубы одному из варнавалийцев. — Всех бы и взяли.

— На кой мне это дерьмо! — зло ответил Отстой и резко добавил: — С гнилыми зубами не брать.

Работоторговец едва успел отвести руки от несчастного варнавалийца, как голова того взорвалась, словно перезрелый фрукт аги. Молниеносно выстрелив, Отстой сунул энергопистолет обратно в кобуру.

— Выбросишь в Пустоту, — отдал он команду.

— Куда? — не понял неопытный работоторговец.

— В открытый космос, болван! Пустота тебе в рот! — выругался Отстой и громко повторил приказание для всех. — Дерьмо не брать! Кто проглядит, три шкуры спущу.

Отвратительная сцена убийства варнавалийца явно развеселила Крота. Он, криво улыбаясь во всю ширину мерзкого лица, подошёл к главарю работоторговцев.

— Отстой, ты в своём амплуа. Качественный товар и никакого брака.

— А ты как думал, Крот? Надо держать марку. За это и уважают «Свинопасов». И цену за наших рабов дают самую высокую.

— Знаю, знаю. Товар у вас всегда отборный, — польстил Крот и тут же, вкрадчиво глядя в глаза главаря работоторговцев, добавил: — У меня к тебе дело, Отстой.

— Чего ещё? — выпятив нижнюю губу, отчего его и так неприятное выражение лица стало совсем отвратительным, подозрительно спросил работоторговец.

— Видишь, подруга на полу раскорячилась? — вкрадчиво проговорил Крот, кивнув в сторону Майи. — Уступи её мне.

— Чего? — недоумённо протянул Отстой. — Сожри меня Пустота, ты что за дерьмо несёшь, Крот?

— Да что тебе стоит, Отстой? — угодливо заглядывая в глаза работоторговцу, затараторил кривоногий. — Чего тебе стоит? За неё всё равно на рынке в Пандерлоносе много не дадут. А я с тобой рассчитаюсь. Хорошо рассчитаюсь. Тебе же девочки не интересны. Я ж тебя знаю. Ну как, договорились?

— Тише ты, мелешь языком, как помелом. Пустота тебе в рот, — сквозь зубы выдавил Отстой. — Донесут Карнава — нам обоим несдобровать.

— Кто донесёт? — не понял Крот и кивнул в сторону копошившихся с «товаром» работоторговцев. — Эти, что ли? Да я их голыми руками задушу, только пикнут.

— Я и сам могу это проделать, без твоей помощи, — огрызнулся Отстой.

— Ну, так, значит, договорились? — чувствуя, что добился своего, обрадовался кривоногий.

Отстой еле заметно кивнул, и Крот вприпрыжку кинулся к лежащей Майе. Подбежав к девушке, он несколькими деловыми движениями, словно придирчивый покупатель, проверяющий товар, ощупал её. Мы и были для этих тварей лишь товаром. Вещью, продолжительность существования которой зависит от настроения хозяина. Ведь раб живёт столько, сколько пожелает его хозяин. Живёт в постоянном страхе, повинуюсь малейшей прихоти своего господина.

Довольный осмотром, Крот бесцеремонно схватил девушку за чудные белокурые волосы и поволок, словно тряпичную куклу, по гладкому, полированному полу терминала. Он почти добрался до небольшой едва заметной, герметично закрытой двери, когда я настиг его.

Мой организм ещё не до конца отошёл от действия депрессирующих полей. Тело, казалось, набито ватой. Конечности оставались вялыми, малоподвижными. Глаза застилала мутная пелена. Но ждать, когда всё придёт в норму, я не мог.

Удар в спину сбил кривоногого на пол. Как только Крот, очумело мотая головой, поднялся и, недоумевая, развернулся, я изо всей силы, на которую пока был способен, впечатал кулак в грудную клетку контрабандиста. Явственно послышался хруст ломаемых рёбер. Крот, отлетев назад и сильно ударившись спиной об стену, медленно сполз на пол. Улыбка исчезла с его уродливого лица, сменившись гримасой боли.

Впрочем, разглядывать физиономию кривоногого у меня не было времени. Разворачиваясь, я сразу атаковал двоих кинувшихся на меня работорговцев. Бить пришлось левой ногой, поскольку правая ещё плохо слушалась. Удар вышел неудачным, вялым, и работорговцы легко уклонились от него. Не достигнув цели, он лишь разозлил моих противников. Потеряв равновесие и, едва не упав, я получил от разъярённых охотников на людей целый град ударов энергостатическими дубинками. Малейшее прикосновение такой дубинки, похожей по виду на полицейскую, валит с ног любое живое существо. К примеру, паранейскому носорогу хватает даже небольшой дозы энергостатики, чтобы рухнуть, словно подрубленное дерево. Обычному человеку, как правило, хватает одного удара такой дубинкой, чтобы его конечности надолго потеряли подвижность. Обычному человеку. Я же таковым не являлся. Даже спустя несколько лет после выхода в отставку я всё ещё оставался космодезантиком Галактической Федерации. Вживлённые в мой организм антидепрессанты, хоть и не до конца отошли от спячки, всё же начали действовать.

Удары дубинок тупой болью сковали левую руку, которой я пытался защититься. Несколько тычков энергостатики пришлись на тело, и я едва не задохнулся. Но в целом я выдержал. Хоть и изрядно потрёпанный, с онемевшей, потерявшей чувствительность левой рукой, тяжело дышащий, но всё же остался стоять на ногах. И не просто стоять, а даже умудрился сломать нос неосторожно сунувшемуся ко мне работорговцу. Работорговец отскочил назад, истошно вопя и держась за расплюснутый нос. Его лицо мгновенно залила кровь. Ещё один удар мог бы добить противника, но на это у меня уже не было сил. Я, с трудом увернувшись от размашистого удара дубинкой другого противника, отступил к стене терминала.

— Великая Пустота, ты посмотри, какой прыткий! — удивлённо воскликнул Отстой, подойдя к сгрудившимся вокруг меня работорговцам.

Охотники на людей пытались ударить взбунтовавшегося раба дубинками, но делали это крайне осторожно, то и дело отскакивая назад, памятуя о сломанном носе своего приятеля.

Я же чувствовал себя всё хуже и хуже. Огромная доза депрессирующих полей, полученных моим организмом, вкупе с многочисленными энергостатическими ударами совсем подорвали силы. Я едва держался на ногах. Перед глазами всё плыло, звуки доносились словно сквозь толстый слой ваты.

— Ну-ка, Стероид, уделай этого прыткого молодца, — скомандовал Отстой. — Ты у нас мастер успокаивать чересчур резвых рабов.

Было похоже, что сложившаяся ситуация необычайно веселит главаря работорговцев. Несмотря на то, что я довольно серьёзно покалечил кривоногого, который до сих пор безжизненным кулом валялся на полу, несмотря на то, что я сломал нос одному из его людей, Отстой не разозлился. На его свирепом лице даже на мгновение промелькнула улыбка, при виде которой кровь стыла в жилах. В жилах у рабов, которые хорошо знали, что такое Отстой.

Стероид не торопясь подошёл ко мне и вдруг стремительно, едва уловимым движением правой руки ударил. Сильно и мощно. Я, словно резиновый мяч, отлетел к стене. Ударившись спиной и затылком о стену терминала, тем не менее, умудрился не потерять сознание. Во рту мгновенно появился неприятный привкус крови. Всё перед глазами поплыло, и я, стараясь развеять чёрный туман небытия, замотал головой.

Работорговцы дружно засмеялись. Удар Стероидом им понравился. Бугай, ободрённый хорошим началом, продолжил избиение. Второй не менее сильный удар в голову почти выбил меня из колеи. Не ударясь я вновь о стену, наверняка бы упал. Лишь чудом удержавшись на ногах, я с трудом уклонился от третьего, завершающего удара здоровяка.

Видя моё беспомощное состояние, Стероид решил, что уже покончил с противником и остаётся лишь добить меня. Поэтому третий раз ударил не так резко, больше полагаясь на силу, чем на скорость. Никогда не стоит недооценивать противника, в каком бы беспомощном состоянии он ни находился. По всей вероятности, Стероид об этом не знал, иначе действовал бы более осторожно. Чуть заметным движением я отклонил голову, и кулак Стероидом со всей мощи впечатался в пластобетон. Вопль боли пронёсся по терминалу. Бугай ещё не успел отдёрнуть искалеченную руку, как я уже закрепил свою небольшую победу. Из неудобного положения, правой рукой, поскольку левая почти не слушалась, коротко, но довольно сильно ударил Стероидом в корпус. Удар пришёлся как раз в область солнечного сплетения здоровяка, и он, посиневший, разом ставший на голову меньше, сломался пополам. Бугай развернулся, то ли намереваясь покинуть поле боя, то ли ему просто неугоду было смотреть на меня. Я же, увидев обширную спину Стероидом, который даже сейчас выглядел минимум на две головы выше меня, резко ударил рукой два раза. Первый раз — в область поясницы, второй чуть повыше, целясь в позвоночник. Здоровяк, так и не успевший уйти с места схватки, внезапно рухнул на колени. Рухнул в два этапа. Сначала неожиданно присел, так, словно из его обширного тела выдернули незримый стержень. Потом со стуком приземлился на колени, являя нелепое зрелище. Стероид словно молился перед смертью. Я, недолго думая, добил здоровяка. Мгновенно. Одним ударом в шею. Сверху вниз. Послышался неприятный хруст, и Стероид замертво свалился на пол. Лицом вперед, не подставив рук.

Несколько секунд стояла гробовая тишина, потом опомнившиеся торговцы людьми всем скопом кинулись на меня. Они, более не заботясь о своей безопасности, принялись беспорядочно избивать меня. Утомлённый схваткой со Стероидом, я не мог дать достойный отпор. Несколько прямых попаданий энергостатической дубинкой в голову совсем добились меня, я уже с трудом понимал, что делаю. Кажется, мне всё же удалось выбить зубы одному из охотников на людей и сломать руку другому, но это было последнее, что я смог. Работорговцы градом ударов сбили меня на пол и принялись злобно пинать. Я, почти ничего не чувствуя от бесчисленных тычков энергостатики, лишь прикрывал рукой голову. Не знаю, долго ли меня били, мне показалось — целую вечность, но, наконец, работорговцы успокоились. Отступили. Я, с трудом опираясь на единственную действующую руку, приподнялся на четвереньки и сквозь кровавую пелену увидел стоящего прямо передо мной Отстоя. И без того свирепое выражение его лица сейчас стало поистине демоническим.

— Знаешь ли ты, свинья, что убил одного из моих лучших друзей? — глядя на меня сверху вниз, надменно цедя слова, проговорил он. — С этого момента, урод, твоя жизнь превратится в ад. Ты очень пожалеешь, что вообще родился на свет, и тысячекратно пожалеешь, что так поступил с моим другом.

— Ты хотел сказать, с куском дерьма? — выплюнув сгусток крови, с трудом проговорил я.

Лицо Отстоя перекосилось злобой, и он изо всей силы пнул меня в голову. Я отлетел в сторону и, попытавшись подняться, вновь получил сильнейший удар по голове. Чувствуя, что проваливаюсь в небытие, успел лишь подумать: «Майя», — и забылся в обступившей темноте.

Глава 2

Неприятный запах резанул, словно крепкая настойка тефирного спирта. Я пришёл в себя. Полежал несколько секунд, не открывая глаз, прислушиваясь к звукам извне и ощущениям собственного тела. Звуки не радовали, ощущения тоже. Всё говорило о том, что я опять впался в какое-то дерьмо. В прямом и переносном смысле. Кстати, запах этого вещества как раз и раздражал органы обоняния. С трудом преодолевая боль, я открыл глаза. Поначалу никак не мог сориентироваться, где нахожусь. Перед глазами всё плыло, сами глаза затекли, остались лишь узкие щёлочки. Во рту пылал пожар, я попытался облизнуть распухшие губы. Лучше бы этого не делал. Кровь струёй брызнула из разбитых губ, но, как ни странно, это помогло окончательно прийти в себя. Я резко, одним движением сел.

Когда спустя минуту отошёл от пронзившей тело боли, смог наконец хорошенько осмотреться.

Это был барак. Темный, затхлый барак. С потолка свисала столетней давности паутина, от пола несло промозглой сыростью. Длинные ряды трёхъярусных кроватей уходили вдаль, и не было им конца и края.

Мимо с омерзительным писком пробежали крысы, и я поторопился встать с пола. Дорогого с подогревом плаща на мне уже не было, а классический костюм оказался разорван в клочья. Впрочем, в тот момент мне было не до костюма. Одна мысль терзала меня. Мысль о моей милой, единственной девочке, о Майе. Я не знал, что с ней, даже не мог предположить, где она сейчас.

То, что я нахожусь в бараке, в котором держат рабов, не оставляло никакого сомнения. То, что люди, наблюдавшие за мной с верхних и нижних ярусов кроватей, были рабами, тоже было бесспорно. Энергоошейники и энергобраслеты у них на руках и ногах говорили о том, что эти несчастные собрались здесь не по своей воле.

— Новенький, тебя как зовут? — спросил один из внимательно разглядывавших меня людей — молоденький парнишка, на вид не больше восемнадцати лет, лежавший на среднем ярусе.

— Джаггер, — с трудом разлепив губы, ответил я.

— А правда, что ты завалил здоровяка Стероида? — задал парнишка новый вопрос.

— Поменьше мели помелом, Пустота тебе в рот, — шикнул на него лежавший по соседству с пареньком бородатый мужичок. — Не дай боже, надзиратели услышат, что ты распускаешь сплетни, будет нам всем Кацеунова камера.

— Ничего я не распускаю, и не сплетни это, а чистая правда. Мне Тоскан шепнул на ушко, а он никогда не врёт.

— Может, и не врёт, но преувеличить может, — не сдавался мужичок. — Ты сравни этого доходягу и Стероида. Памтас и Герета! Да этому доходяге тарibsкой лягушки не замочить, не то, что здоровяка Стероида.

— Джакирана, — неожиданно вступил в разговор старичок-варнавалиец, другой сосед паренька. — Молком говорит правду. Этот новичок с разбитым лицом и в разорванном костюме действительно убил большого человека с именем Стероид.

По всему видно, старик пользовался в группе определённым авторитетом, поэтому бородатый тотчас прекратил спор. С испугом взглянув на меня, он отполз к другому краю лежанки, тихонько бормоча под нос: «Надо держаться подальше от таких типов, а то схлопочешь Кацеунову камеру».

Я хотел кое о чём порасспросить обитателей этого мрачного места, но не успел. Где-то далеко, в самом начале барака, вдруг послышалась истошная команда-приказ: «Отбой, сви-

ны!» Эхо команды пронеслось с первых рядов до последних, и всех празднующихся между рядами как ветром сдуло.

Я стоял, беспомощно озираясь, не зная, что делать.

— Джаггер — убийца Стероиды, залазь к нам на второй ярус, — послышался призыв парнишки Молкома, — иначе действительно схлопочешь Кацеунову камеру.

Ещё раз оглянувшись и заметив, что в проходах уже никого нет, а с верхних ярусов не свешивается ни одной головы, я последовал приглашению. Превозмогая толчки боли, отдающиеся волнами по всему телу, осторожно забрался на второй ярус и расположился между стариком-варнавалийцем и Молкомом. В тот же миг и без того тусклый свет окончательно погас.

Молком тотчас включил еле светящийся неоновый фонарик и, деловито покопавшись, вытащил откуда-то замызганное, дырявое одеяло. «Возьми, Джаггер. По ночам здесь холодно», — предложил парнишка.

— Спасибо, Молком, за помощь — меня тронула забота нового друга. — Если можешь, помоги ещё. Объясни, что это за место?

— Кавар, потише, — негромко предупредил старичок, устраиваясь поудобней на ночлег, и мы тут же перешли на шёпот.

— Как, ты не знаешь? Тебя что, не обработали? Это же Пандерлонос! А ты сейчас раб господина Карнава. Великого и Всемогущего. Солнца в небесах — и всё такое прочее.

Я растерянно посмотрел на энергобраслеты, опоясывающие запястья, и с ужасом подумал: «Пандерлонос — хуже, пожалуй, ничего придумать нельзя».

В том, что я не помнил, как меня переправили на другой конец Галактики, не было ничего удивительного. Впрыснули какой-нибудь сильнодействующий нейтрализатор, и я спокойно пролежал в темпокамере нужное время. Может, сутки, может, и гораздо больше. Лежал себе, ничего не чувствовал, пока меня тащили через всю Галактику. Через множество ретрансляционных подпространственных кабин. Через сеть подпространственных туннелей. Тащили темпокамеру с бесчувственным телом, пока, наконец, не доставили на одну из самых ужасных планет в Галактике. О том, куда могла попасть Майя, я старался не думать. Я мог лишь надеяться, что её переправили сюда же. Несмотря на то, что Пандерлонос — самое отвратительное место в Галактике, в этом случае у меня появлялся реальный шанс спасти мою милую девочку.

Пандерлонос — самый известный центр работорговли в третьих мирах Галактики — пользовался дурной репутацией. Эта планета находится на территории, не подконтрольной ни Федерации, ни Терам. О том, что здесь творится, ходили самые ужасные слухи. Говорили, что вся поверхность планеты покрыта лагерями для рабов, что ежедневно в эти лагеря прибывают десятки тысяч новых пленников, что с рабами здесь обращаются хуже, чем со скотом. Говорили также, что за долгие годы в недоступных горах планеты скопилось немалое количество беглых рабов. Будто они тайно существуют в недрах древних гор, создав собственную субкультуру. Много ещё чего говорили об этой мрачной планете.

Пандерлонос является крупнейшей перевалочной базой работорговцев, откуда рабы растекаются по всей освоенной Вселенной. Но не только этим славится эта планета. Здесь добывают не менее десяти процентов всех изорениумных руд Галактики. Это и стало причиной того, что некогда прекрасная планета со временем превратилась во всемирный центр рабства. Первым работорговцам, освоившим Пандерлонос, была необходима дешёвая рабочая сила для добычи изорениума. Бесплатная рабочая сила, которой было бы не жалко пожертвовать, поскольку добыча этого ценнейшего минерала сопряжена с риском для здоровья. Точнее сказать, больше двух-трёх лет на приисках Пандерлоноса никто не выдерживал — умирали от лучевой болезни. Изорениума же, здесь на Пандерлоносе, громадные запасы, и рабов с каждым годом требовалось всё больше. Несчастные со всех уголков Галактики свозились сюда. Излишки рабов продавались на другие планеты, где тоже требовалась дешёвая рабочая сила.

На ежедневно устраиваемых торгах совершались крупные сделки, за день продавали тысячи рабов. Наконец, добыча изорениума отошла на второй план, а работорговля вышла на первое место по прибыльности.

Федерация не раз пыталась навести порядок в этой части Галактики. За последние годы силами Содружества проведено несколько рейдов по уничтожению работорговцев на планетах третьего мира. Многие подобные операции завершались успехом, но в целом Федерации не удавалось одержать верх над работорговлей. Невозможно воевать с десятками цивилизаций, не уничтожив их при этом. Но тогда пропадал сам смысл подобных операций. Поэтому было решено не вести активных боевых действий против планет, культивирующих рабство, а перейти к точечным ударам по базам работорговцев, сделав тем самым невыгодным это отвратительное ремесло. И такие операции проводились силами Федерации во множестве. Я сам не раз участвовал в подобных рейдах. Надо признать, эта практика оказалась гораздо действенной тотальной войны. Работорговцам становилось с каждым годом всё труднее заниматься грязным ремеслом. За несколько лет Федерации удалось уничтожить многие казавшиеся неприступными центры работорговли.

Но только не Пандерлонос. Эта чудовищная планета пока оставалась недосягаемой. Здесь Федерация столкнулась с очень высоким уровнем военной техники. Система обороны, применяемая на Пандерлоносе, превратила планету в неприступную крепость. Настолько неприступную, что с одним флотом Федерации нечего даже думать штурмовать Пандерлонос. С таким, например, как седьмой Галактический, в состав которого входит более трёх тысяч боевых кораблей класса «Возмездие», около тысячи линкоров серии «Неистребимые», не менее сотни суперкрейсеров типа «Корона», с бесчисленным количеством вспомогательных судов и судёнышек. Это не считая трёх дивизий космодесанта. А не считать их, конечно, было бы легкомыслием. При захвате планет космические десантники — основная ударная сила.

Седьмой Галактический — это невероятная мощь, и всё-таки пытаться захватить Пандерлонос силами одного флота не стоит. Потому что уже пробовали, потеряв при этом не менее полутысячи кораблей и несколько полков космодесанта. Сам я не участвовал в той мясорубке, но ребята-сослуживцы рассказывали, что зрелище было жуткое. Флот начали расстреливать ещё на подходе к Нерону, крайней планете в системе Голосса, где Пандерлонос — четвёртая планета из тринадцати. Эти тринадцать планет Федерация запомнит надолго. Корабли вспыхивали, как спички, один за другим. Было абсолютно непонятно, какая сила уничтожает их. Подобного оружия Галактическое сообщество, объединяющее двести

двадцать тысяч цивилизаций — некоторые из которых существуют уже миллионы лет, — ещё не знало.

Когда нападавшие поняли, что ни одна защита, ни одно силовое поле не в состоянии противостоять неведомому оружию, пока догадались повернуть обратно, успели потерять значительную часть Седьмого Галактического. Долго потом безутешные вдовы и убитые горем матери получали контейнеры с прахом солдат вместо своих мужей и сыновей. Надолго запомнило Содружество битву у Пандерлоноса.

Совет Федерации оказался вынужден констатировать высокий военный и научный потенциал планеты работорговцев и принял решение отложить попытки усмирения Пандерлоноса. Отложить на неопределённое время. Объяснения же столь небывалому научному прорыву работорговцев Пандерлоноса совет не дал.

...Задумавшись, я не сразу разобрал новый вопрос Молкома.

— Есть будешь, Джаггер? — переспросил он.

Вспомнив, что не притрагивался к еде после нашего с Майей прощального ужина в одном из лучших ресторанов Дарана, я молча кивнул. Тотчас парнишка выудил откуда-то бутерброд — большой кусок твёрдого чёрного хлеба с узкими, тонко нарезанными ломтиками мяса.

Бутерброд, хоть и выглядел не очень симпатично, оказался вполне съедобным. Можно даже сказать, очень вкусным и питательным. Осторожно, поскольку при малейшем неловком движении из потрескавшихся губ начинала сочиться кровь, откусывая пришедшийся кстати ужин, я поинтересовался, что это за деликатес. Такого вкусного мяса я не ел, кажется, уже сто лет.

Лучше бы не спрашивал.

Молком недоумённо пожал плечами и наивно ответил:

— Мясо? Да его тут полно! Главное, научиться его ловить. Мы со стариком Харой смастерили несколько ловушек на крыс, так что мясо у нас сейчас есть всегда. А хлеб нам достаёт Тоскан. Он из обслуги и имеет доступ к кухонным обедам.

Услышав ответ Молкома, я едва не подавился. Аппетит у меня как-то сразу пропал, но, пересилив отвращение, я всё же доел остатки ужина. Ужина, достойного раба. Жизнь продолжается, и если уж вляпался в дерьмо, то надо привыкать жить в нём. Иначе долго не протянешь. Брезгливые и слабонервные в таких местах, как правило, не выживают. Я же должен выжить, чтобы спасти Майю. И я её спасу. Чего бы мне это ни стоило. И никто не сможет меня остановить. Никому никогда прежде не удавалось этого сделать, не удастся и сейчас. Пусть на пути у меня стоит весь чудовищный Пандерлонос, хоть все работоторговцы Галактики, я найду мою девочку.

— Парнавоколо, — взглянув на мои растрескавшиеся губы, сказал Хара и протянул кожаный мешочек с каким-то снадобьем. — Возьми, человек в разорванном костюме, жующий хлеб с крысой, эту мазь и смажь лицо. К утру, когда поведут на работу, губы у тебя заживут.

— Вар, — поблагодарил я старика по-варнавалийски и взял мешочек.

Из чего сделано снадобье, я уточнять не стал.

— Ты что, понимаешь их птичий язык? — удивился Молком. — Мне всегда казалось, что варнавалийцы сами себя с трудом понимают.

— Понимаю немного, — ответил я, дожёвывая остатки бутерброда. — Могу произносить звуки первого и второго уровня. Этого вполне хватает для простого общения.

— А где ты научился их щебетанию? — не унимался парнишка.

В своё время наш разведполк космодесанта из третьей элитной дивизии «Непобедимых» провёл шесть месяцев на Кракатане, колонии варнавалийцев. Там я познакомился с одной очень даже симпатичной варнавалийкой. Она и помогла мне освоить трудный язык.

Я хотел рассказать об этом Молкому, но меня грубо перебили.

— Вы будете спать или нет? Пустота вас сожри, — возмутился бородатый мужичок, сосед Молкома. — Завтра ни свет ни заря пахать, как ломовым лошадям, а вы тут байки травите.

Чувствуя справедливость замечаний ворчливого соседа, я молча принялся устраиваться на ночлег. Укутался поудобней в одеяло, развязал мешочек старика Хары и осторожно намазался кремом-снадобьем. Убрал остатки лекарства в карман разорванного костюма и почти мгновенно уснул...

Что это было, я так и не понял. Я успел только осознать, что стремительно падаю. Грохнувшись о пол барака, мгновенно проснулся и попытался встать. Руки, как, впрочем, и ноги, оказались крепко скованными энергонаручниками. Спросонья я лишь напрасно израсходовал несколько бесценных калорий, пока понял, что сжат намертво. Шанхайским узлом. Это когда запястья рук и ступни ног крепко прижаты друг к другу. Словно впаяны в монолитный кусок свинца, который ничто не в состоянии разрубить. Кроме, конечно, молекулярного меча. Но я бы никому не рекомендовал такой способ освобождения от энергонаручников, хотя сам однажды им и воспользовался.

Энергонаручники — это не просто пара металлических браслетов с соединяющей их цепочкой. Это пара браслетов из арнегелированной стали, скрепленных мощным силовым полем ближнего действия. Управляется такое поле дистанционно. В сами браслеты встроены небезызвестные «наслаждения садиста»! Такие, например, как точечные импульс-генераторы,

выдающие даже при кратковременном включении такую порцию боли, что волосы встают дыбом и пропадает всякое желание сопротивляться.

Поняв, что сопротивление не имеет смысла, я затих, и меня тут же грубо выволокли в проход между трёхъярусными кроватями. В лицо ударил луч неоновых фонариков. Не привыкнув к свету, я зажмурился и услышал прямо под ухом:

— Это та свинья, что нам нужна. Волоките его к Жирному, в камеру пыток.

Меня бесцеремонно потащили по грубому, словно наждачная бумага, бетонному полу барака. Боль мгновенно разлилась по всему телу, заныли незажившие раны. Я едва не закричал, но нашёл силы сдержаться. Лишь с силой стиснул зубы, даже не застонав. Я выдержу. Я всё выдержу. Чего бы мне это ни стоило, но я должен выжить.

Выжить, чтобы спасти Майю.

Но, похоже, выжить здесь будет труднее всего, что мне до этого приходилось делать. Одно название — камера пыток — у кого угодно вызовет приступ страха. По всему ясно, что ждёт меня там. Сбывалось обещание Отстоя — превратить мою жизнь в ад.

Меня выволокли через тройную с решётками дверь из темного барака в немногим более освещённый коридор и, протащив немного, впили в небольшую уютную комнату. Комната сияла стерильной чистотой аккуратно разложенных медицинских инструментов: зажимов, пинцетов, скальпелей. Сразу и не отличишь эту зловещую комнатку от операционной в больнице среднего пошиба. Есть даже стол наподобие операционного. Различие лишь в том, что в этой комнатёнке не лечили, а калечили. И наверняка специалисты своего поганого дела.

Один из таких специалистов как раз меня разглядывал. Толстый, словно обожравшийся не в меру боров, с маленькими, бегающими глазками. В кожаном, красного цвета фартуке на голое тело. С волосатыми и жирными, словно гиталайские окорока, ногами. Омерзительный тип. Один из надзирателей ткнул мне в шею электрошокером. Я на несколько секунд перестал воспринимать происходящее. Надзиратели, выключив предварительно энергонаручники, закрепили моё бесчувственное тело на специально для этого приспособленном х-образном кресте.

В чувство я пришёл мгновенно. Ещё бы! Когда тело волна за волной пронизывают безумно сильные болевые импульсы, трудно остаться безучастным. Такое ощущение, словно тебя разорвали на множество мелких кусочков и каждый из этих кусочков начинают поджаривать электрическим током.

Тут уж я не сдерживался. Заорал во всю мощь лёгких.

Боль прошла так же внезапно, как наступила. Когда спустя несколько секунд я смог сфокусировать взгляд, то увидел прямо перед собой всю ту же противную жирную морду палача. Больше никого в камере пыток не было, надзиратели ушли.

— Какой, однако, слабонервный народец пошёл, — почему-то удивилась харя и громко загоготала.

От хохота жирные тела толстяка затряслись, словно студень на горячей сковородке. Большие, словно у женщины, груди выпали из лямок фартука. Пузатый живот заходил ходуном.

— То ли ещё будет, дорогой! Первый раз получить порцию экзоболи не так уж страшно: не знаешь, что тебя ждёт. Второй раз неприятнее. Гораздо неприятнее.

— Послушай, кусок гнилого окорока, я человек злопамятный, и мой тебе совет — не зли меня, — слишком самоуверенно, никак не соответствуя той роли раба, которую должен был играть, заявил я.

Толстяк от возмущения едва не проглотил язык. Это уже чересчур! Такого Жирный ещё не видел! Чтобы им командовали свиньи? Угрожали?

Палач оказался прав — переносить экзоболь второй раз оказалось гораздо труднее. Я орал так, словно старался вместе с воздухом выдохнуть и лёгкие. Словно хотел перекрыть всех Пиренейских ревунов, предвещающих наступление Конца Света.

Когда спустя несколько минут после отключения экзопластера я стал в состоянии видеть, разговаривать уже мог только шёпотом.

Жирный стоял спиной ко мне и деловито перебирал какие-то приспособления на стеклянном столе. Почувствовав, что пленник пришёл в себя, он повернулся и с довольным видом сказал:

— Ну как, свинья, очухался? Ещё будешь угрожать?

— Я не свинья, жирный ублюдок, а Леон Джаггер. Некоторые ещё зовут меня Костоломом.

— Наслышан, наслышан, — к моему удивлению, толстяк не потянулся к рубильнику, включающему экзопластер. — Вот за это ты сейчас и страдаешь. Мой большой друг Отстой просил позаботиться о тебе особо. За Стероидов и за покалеченного Крота.

— Что, и тебе он тоже «большой друг», этот Отстой? Я думал, куском дерьма был лишь тупой бедняга Стероид.

После моих слов жирное лицо толстяка перекосила гримаса ненависти. С силой сжав блестящие кусачки, он замахнулся. Однако не ударил, сдержался. Это ещё успеется, у него вся ночь впереди. Много ночей впереди.

— Подожди, скоро ты у меня запоёшь по-другому, — с угрозой в голосе предупредил палач. — Ещё будешь называть меня его Величеством и вашим Превосходительством. В ногах ещё будешь ползать, свинья.

— Послушай, твоё жирное Превосходительство, окорок ты ходячий, ни перед кем я ещё не ползал и перед тобой, мешок с полусгнившим жиром, не собираюсь, — высказался я.

Толстяк даже посинел. Даже вроде и меньше в талии стал от возмущения. Отбросив в сторону кусачки, он схватил со стола набор разноцветных щупов. Что это были за щупы, я прекрасно знал. Приходилось на себе испытывать их действие. Тут уж не покричишь. Когда в ваши зубы втыкают эти изуверские приспособления, единственное, о чём мечтаешь, — это как бы побыстрее потерять сознание.

Злорадно ухмыльнувшись, колыхаясь всеми десятками килограммов лишнего веса, толстяк быстро подскочил к кресту. Ткнул мне в лицо парализатором местного действия. Лицевые мышцы тут же потеряли чувствительность. Голову словно мгновенно заморозили. Заметив, что я достаточно парализован и, следовательно, не смогу укусить, Жирный, предварительно раздвинув большим плоским ножом зубы, вставил мне в рот специальные распорки, похожие на искусственные челюсти. Теперь я уже, при всём своём желании, не мог закрыть рот, а Жирный мог преспокойно копать у меня в зубах. Точнее — в нервах, которые в этих зубах находятся.

Удовлетворённый проделанной работой, толстяк хмыкнул и, вытащив толстые волосатые пальцы из моего рта, стал пояснять:

— Ты, свинья, не переживай, убивать я тебя не стану. Имущество Великого господина Карнава надо беречь. То есть хранить, как зеницу ока. Так что успокойся — сильно калечить тебя не буду. Боли ты получишь предостаточно, ты даже не можешь представить, сколько боли ты получишь. Но работать на руднике сможешь. Это я тебе гарантирую. Каждую ночь тебя будут приводить в мою уютную комнату, ты будешь умирать здесь в муках, проклиная тот день, когда появился на свет. А поутру, накачанный стимуляторами, как ни в чём не бывало, вновь будешь отправляться на работу. Ты должен работать, что бы ни случилось, отрабатывая те помои, которыми тебя кормят.

Я молчал. С распорками, вставленными в рот, особенно не поразглагольствуешь.

— Молчишь? — недоумённо спросил Жирный. — Ну, молчи, молчи. Где же твоя прыть?

Не получив ответа на законный вопрос, Жирный оторвал от остатков моего костюма левый рукав, взял со стола небольшой скальпель и со словами «Люблю я это дело» полоснул инструментом по моей руке. Брызнула ярко-красная струя, и Жирный, словно умирающий от жажды в знойной пустыне, припал к обильно бежавшей из раны крови. Меня едва не вырвало от этого зрелища. Так замутило, что сил нет, а толстому хоть бы что.

Вдоволь напившись и заметив, что я на глазах начинаю бледнеть, палач прекратил вампирский ужин. Аккуратно наложив жгут и заклеив рану биопластырем, он заботливо поднёс к моему лицу баночку с тефирным спиртом. В нос ударил неприятный запах. В голове тотчас прояснилось.

— Ты смотри, не смей терять сознание, — предупредил Жирный, лицо которого, словно у вампира, было вымазано кровью. — Всю свою боль ты должен переносить в здоровом уме и твёрдой памяти.

Заметив, что я начинаю отходить и лицевые мышцы вновь становятся чувствительными, толстяк приступил к делу. Разложив на столике садистские шупы в одном ему ведомом порядке, палач принялся за пытку, втыкая по очереди в мои зубы зверские приспособления.

Это было ужасно больно. Я не терял сознания лишь потому, что толстяк периодически подносил к моему носу баночку с тефирным спиртом. Казалось, боль от этой пытки превзошла все мыслимые ужасы, но Жирному вскоре и этого показалось мало. Решив, что необходимо усилить ощущения пленника, он вкатил мне в вену несколько кубиков вибарнала — вещества, многократно обостряющего восприятие человека.

И боль тоже обостряющего.

Сколько длилась пытка Жирного, я не знаю. Мне показалось, что целую вечность, хотя на самом деле, наверное, прошло не так уж много времени. Время, оно вообще имеет свойство течь неравномерно. Когда ты счастлив, оно летит, словно быстрокрылая птица нау; когда ты страдаешь, ползёт, как марокканская улитка.

Решив наконец, что строптивый раб получил на сегодня достаточно, толстый оставил меня в покое. Да и то сказать — решил он правильно. Я хоть и был в сознании, но признаков жизни уже не подавал. Лишь смотрел в потолок бессмысленным взглядом, не понимая, что происходит вокруг.

Выдернув одним грубым движением челюстные распорки, Жирный сделал в мою руку биопистолетом несколько инъекций стимулятора. После этого, решив, что на сегодня достаточно и пора на отдых, толстяк отключил зажимы, державшие меня на х-кресте.

Это, конечно, он сделал, не подумав. Если бы палач взял в руки дистанционное управление энергонаручниками, а потом уже отключил зажимы — всё было бы нормально. Пока я, обессиленный, падал с креста, он успел бы включить силовое поле, соединяющее браслеты наручников, тем самым связав меня в шанхайский узел.

Но слишком понадеялся Жирный на своё искусство душегуба и на действие садистских приспособлений. Пока он тянулся к пульту управления энергонаручниками, я, на мгновение освобождённый от захватов, вместо того чтобы упасть безжизненным кулем на пол камеры пыток, одним прыжком оказался рядом с жирной тушей. Схватив ничего не понимающего палача правой рукой за горло, с трудом отыскав в складках жира кадык, с силой сжал его.

Жирный даже не пробовал сопротивляться. Он лишь беспомощно замахал руками и издал нечленораздельный хрип.

Как мне ни хотелось покончить с толстяком, как я ни жаждал разделаться со своим палачом, убивать его я не стал. Скорее всего, смерть палача стала бы и моей смертью. В данный момент шансы выбраться из бараков Карнава равны нулю. А я должен выбраться. Должен спасти мою Майю, если даже ради этого придётся перенести и не такие страдания.

Помучив немного толстяка, сжимая и разжимая его жирный кадык, пока палач не стал задыхаться, я наконец отпустил его. Жирная туша, потеряв равновесие, попятилась назад и, споткнувшись о ящик с медицинскими инструментами, с грохотом упала.

— Помни, Жирный, что я тебе сказал, — проговорил я, нажимая кнопку вызова надзирателей на стене у выхода. — Помни — я злопамятный. Знай — сейчас у тебя появился очень опасный враг. А также постарайся уразуметь, что когда-нибудь, не сейчас, при других обстоятельствах, я доберусь до твоей жирной шеи, и тогда уже ты пожалеешь, что родился на свет божий.

Раскрылась дверь, и в камеру вошли двое надзирателей. Они о чём-то весело переговаривались, но внезапно застыли как вкопанные, увидев странную картину. Раб стоит у умывальника и тщательно моет руки, а палач сидит на полу и испуганно смотрит на пленника.

— Забирать, что ли, свинью? — спросил один из охранников.

Жирный молча кивнул, и я, спокойно вытянув руки, подошёл к надзирателям.

— А пулы-то где? — спросил всё тот же надзиратель и, так и не получив ответа, добавил: — Да-а, пошли так. Вроде ты смирный.

Через несколько минут ходьбы по слабо освещённому коридору я, сопровождаемый двумя надзирателями, так и не скованный энергонаручниками, был впихнут в барак.

Если бы не Молком, я, наверное, так и не нашёл бы своего места. Я уже прошёл в полной темноте по проходу мимо кроватей, где располагались старик-варнавалиец и парнишка, когда услышал негромкий окрик.

— Джаггер, ты куда? Ты что, совсем не видишь в темноте?

В темноте я, конечно же, видел. Но не в такой крошечной. Поведав об этом парнишке, я на ощупь забрался на место между ним и стариком Харой.

— А мы, люди с Проксимы Льва, видим в темноте не хуже иканейских кошек, — похвастался парнишка и тут же спросил: — Куда они таскали тебя? Я уж подумал: отправился ты в Кацеунову камеру.

— Как видишь, нет, — ответил я, отыскивая одеяло.

— А ты, Джаггер, откуда? С какой планеты? — вновь спросил любопытный Молком.

Уютно укутавшись в рваное одеяло, я ужасно хотел спать, но всё же ответил парнишке:

— С Джагии, что в системе Прокса.

— С Джагии? Это же прародина диоке! Что ж ты молчал?! Я же фанат боевых единоборств, а диоке — это сверхбоевое сверхединоборство.

— Давай спать, Молком, — зевая, проговорил я.

— Конечно, конечно, — затараторил он, и тут же вновь спросил: — А чемпионов планеты по диоке ты видел? Вот бы хоть одним глазком взглянуть на кого-нибудь из них.

— Видел, конечно, — почти уснув, ответил я.

— А я вот их всех наизусть знаю. Вот, например, пятеро последних по классификации джи, — не унимался парнишка. — Великий магистр Нокс-злопамятный, иллуриец Дамба Ко, Леон Джаггер, трёхкратный и непобеждённый...

Вдруг какая-то мысль перебила ход речи Молкома:

— Послушай, Джаггер, а ты не родственник того Джаггера — чемпиона Джагии?

Я зевнул последний раз и, ответив: «Я он самый и есть», — наконец уснул.

Глава 3

Не знаю, долго ли Молком тряс меня, прежде чем сумел разбудить. Знаю лишь, что просыпаться ужасно не хотелось. Веки словно залило свинцом. Наконец, собравшись с силами, я одним рывком открыл глаза. Сразу же резанул яркий свет. Послышался неясный шум пробудившегося барака рабов.

— Джаггер — чемпион Джагии, — услышал я прямо под ухом голос Молкома. — Вставай, а то останешься без жратвы. Хара занял для нас очередь за завтраком, так что идём быстрее.

Чувствовал я себя на удивление сносно. То ли действовали препараты, впрыснутые палачом, то ли мои вживлённые в тело биостимуляторы наконец смогли восстановить силы организма, или же помогло снадобье старика-варнавалийца, но чувствовал я себя почти нормально. Даже лицо не болело.

— Ну, ты идёшь или нет, Джаггер? — нетерпеливо переспросил парнишка.

Я, согласно кивнув, стал выбираться из своего ложа.

По проходу между трёхъярусными кроватями безостановочно сновали рабы. Кого тут только не было! Варнавалийцы, тосканцы, чёрные люди лама... Да всех и не перечислить. Представители десятков рас собрались в стенах барака. И самое интересное заключалось в том, что все они относились к высокоразвитым цивилизациям. В основном из Галактической Федерации, но иногда попадались и люди из третьих миров. Рабов с развивающихся планет, вроде Земли, я не заметил ни одного.

«Странные, однако, вкусы у этого Карнава, — думал я, пробираясь вслед за Молкомом в противоположный от дверей конец барака. — Рабов он подбирает лишь из высокоразвитых миров. Словно таскать изорениум не всё равно кому — человеку с отсталой планеты или с Дарана. Хотя в этом, может, и есть определённая логика. С рабом из отсталой цивилизации надо возиться, объяснять ему, что почём, опять же языка он не знает. Да и просто может свихнуться, увидев какого-нибудь стеротарга. Чего не скажешь о гражданине Федерации. Тому не надо объяснять, что такое изорениум и как держать вакуумную ложку».

По пути к месту, где раздают пищу, мы, отстояв небольшую очередь, заскочили в туалет. Не говоря о той вони, что разом ударила в ноздри, всё остальное убранство комнаты для мальчиков выглядело соответственно. Все стены туалета были исписаны разноязычными письменами. В основном проклятиями скотской жизни раба. Я, стараясь не испачкаться, кое-как нашёл свободную кабинку.

«Держат людей, как свиней», — выходя из туалета, подумалось мне. Бросив взгляд в зеркало, висящее над умывальником, решил посмотреть, на кого я стал похож. Лицо у меня действительно зажило. Если, конечно, не считать парочки небольших синяков. Губы больше не кровоточили.

— Хата! — услышали мы окрик старика Хары и поспешили присоединиться к нему.

Место для приёма пищи представляло собой освобождённое от кроватей пространство барака. Обставленное длинными столами со скамейками, оно выглядело ненамного культурней туалета. Происходи всё это в каком-нибудь другом месте, у меня мгновенно пропал бы всякий аппетит.

В каком-нибудь другом месте и при других обстоятельствах...

Сейчас же мне было не до излишней разборчивости. Я ужасно проголодался и был готов позавтракать даже тарибской лягушкой.

От стоящей в центре столовой электротележки исходили весьма приятные запахи. К ней тянулась длинная вереница рабов, и, если бы Хара не занял предварительно очередь, не видать бы нам завтрака, как собственных ушей зайцу Тара.

Старик стоял уже почти у самой раздаточной тележки. Он коротко бросил: «Нар», — приветствуя нас.

— Кес, — поблагодарил я старика по-варнавалийски.

Едва мы встали в очередь, как Молком тут же затараторил, рассказывая старику, кто я такой.

Я, стараясь не слушать болтовню парнишки, осмотрел остатки костюма. Брюки ещё были в более или менее сносном состоянии, чего не скажешь обо всём остальном. Один рукав пиджака оторван, второй еле держится. Сняв пиджак, я закатал обрывки рукавов некогда бело-снежной рубашки. Сейчас же она имела неопределённый красно-бурый оттенок.

«Скупой этот Карнава, как сто ростовщиков Ароса, — подумал я, оглядывая таких же оборванцев, как я, стоявших в очереди. — Мог бы выдать работникам какую-нибудь униформу. Работоторговля и добыча изорениума приносят приличные прибыли, так что вполне по силам Великому господину выделить несколько кредиток на дешёвый пластматериал, чтобы приодеть собственных рабов».

Впрочем, я оказался не совсем прав. Форма была. Не у всех, но была.

Парочка, по всему видно, бывалых рабов, распахивая всех, пробиралась к раздаточной тележке. Как ни странно, но это ни у кого не вызывало возмущения. Другие рабы молча сторонились, уступая место наглецам. Форма на этих двоих сидела как влитая. Чёрные комбинезоны с порядковым номером на груди и спине, чёрные короткие со шнуровкой сапоги и чёрный же лихо заломленный берет.

«Не на всех, похоже, экономит Карнава, — подумал я. — А может, и не он экономит, а приворовывают надзиратели. К чему рабу, к чему «свинье» такой наряд? Совершенно ни к чему. А им кредитки, вырученные за пластматериал, очень даже пригодятся. Например, на «овёс»».

Кушать эти двое, судя по всему, хотели больше всех. Один из них грубо оттолкнул получавшего в этот момент порцию Молкома. Завтрак парнишки, состоящий из наваленных в пластмассовую тарелку дымящихся макарон и стаканчика с горячей бурдой, похожей на кофе, мгновенно оказался на полу, выбитый одним из рабов в чёрной форме — высоким широкоплечим парнем.

— Пшёл отсюда! — гаркнул он на остолбеневшего Молкома. — Завтра пожрёшь, свинья.

— Сам ты свинья, — огрызнулся парнишка, которому стало до слёз обидно, что он лишился завтрака.

— Что ты сказал, ошмёток мрази? Повтори! — Парень угрожающе надвинулся на Молкома.

Второй раб в чёрной форме — коренастый, крепкий мужик лет сорока, — пробившись к тележке, тут же схватил Молкома за грудки.

— Ты, козёл иканейский, на кого задираешь хвост? Да я тебя сейчас на кусочки порежу, и весь барак будет жрать твоё филе с удовольствием. Особенно твою попку, милашка ты моя ненаглядная. Да я тебя прямо здесь и сделаю...

Договорить коренастому угрозу не удалось. Очень уж я не люблю всё это — гнилые угрозы гнилых людишек. Да ещё в моём присутствии. Да ещё в адрес хороших людей.

Схватив одной рукой коренастого за волосы, я с силой оторвал его от побледневшего, словно смерть, парнишки. Наглый раб так и не успел ничего понять, когда я резко дёрнул его головой вниз. Вниз, навстречу моему согнутому колену. Послышался стук столкнувшихся бильярдных шаров, и коренастый раскорячился без сознания на полу. В такой позе, что впору его самого использовать как девочку по вызову.

Очевидно, я сделал что-то не так. Что-то из ряда вон выходящее, поскольку все видевшие эту сцену моментально удалились на безопасное расстояние.

Кроме второго наглеца-раба. Он, возмущённый моим поступком, дёрнулся вперёд. Не подумавши поступил парень. Наверное, он потом долго жалел об этом опрометчивом рывке.

Я, не обращая внимания на ринувшегося, словно тектотанк, широкоплечего молодца, просто выставил руку вперёд. И когда парень наконец встретился большим подбородком с моим стальным кулаком, то встрече этой явно не обрадовался. Его вмиг потерявшее сознание тело по инерции наскочило на подставленное мною колено — то же самое, которое я использовал для успокоения коренастого наглеца. И эффект оно произвело тот же самый. Парень кулем дерьма грохнулся на пол, рядом со своим приятелем.

Хотя, как выяснилось позже, это не был его приятель.

— Здорово ты уложил бугра «опытных», — пробормотал пришедший в себя Молком. — Я и сам хотел ему врезать, да ты опередил меня.

— Просто я решил зря не напрягать тебя, Молком. Для меня это привычное дело — на место наглецов ставить, — усмехнувшись, ответил я, перешагивая через растянувшиеся тела «опытных» и подходя к раздаточной тележке.

Молком понятиливо кивнул. Мол, я бы и сам справился, но поскольку ты Джаггер-чемпион, то, конечно, тебе сподручнее челюсти сворачивать.

— Что-то я проголодался, — сказал я, ни к кому особенно не обращаясь. Подождав немного, добавил: — Очень.

Раб-поварёнок в белом халате и поварском колпаке тут же без лишних расспросов выдал нам с Молкомом и стариком Харой по тройной порции завтрака, и мы, нагрузившись тарелками, отправились разыскивать свободное место за столами.

Всего в нашем бараке размещалось не менее двух тысяч рабов. Немало собралось галактического народца в этом крысятнике. Но это были не все рабы Великого господина. Как выяснилось позже, Карнава принадлежали ещё несколько барачков. Два таких же с рабами-людьми и один с человекоподобными. Также Карнава имел особый женский барак и небольшую, но достаточно известную в своих кругах школу гладиаторов. В общем, довольно посредственным работорговцем оказался этот Карнава. Среднего пошиба. Разумеется, по пандерлоносским меркам. Ни в какое сравнение не шли его владения с сотнями барачков Тора Кровопийцы и с миллионами рабов этого душегуба.

Обо всём этом я узнал от говорливого Молкома, пока мы завтракали. Оказалось, много чего известно любознательному парнишке. Я поинтересовался, откуда у него столь обширные сведения.

— От Хары, от кого же ещё, — простодушно пояснил паренёк, нанизывая пластмассовой вилкой длинную макаронину. Увидев моё недоуменное лицо, пояснил: — У них, у варнавалийцев, очень развита телепатия. Переговариваться они могут между собой, как радиопередатчики, на большие расстояния. Не все, правда, но могут. С определённого возраста, да и то не у каждого открываются такие суперспособности. У Хары, к примеру, открылись. Наверное, он уже растрезвонил всем своим, что ты, Джаггер, уложил Нея — бугра «опытных». Так ведь, Хара?

Старик молча кивнул и, не отрываясь от еды, добавил: «Йо».

Я, конечно же, слышал, что в древности варнавалийцы обладали телепатией, но считал, что эта способность давно у них атрофировалась. Похоже, не у всех.

К нашему разговору прислушался сидевший неподалёку вчерашний бородатый мужичок, так боявшийся Кацеуновой камеры.

— Допрыгаешься ты, Джаггер, — глядя исподлобья, предупредил он. — Уложил Нея и думаешь, что тебе это сойдёт с рук? Попомнишь моё слово, зарежут тебя ночью, как свинью. Даже не пикнешь. Или, к примеру, на работе случайно упадёшь в овраг, и сожрут тебя грызоловы, косточек не оставят. На кого ты дёрнулся? На «опытных» пошёл! Добром это не кончится.

— Я не свинья, — коротко бросил я. — А космодесантник Федерации, козлиная ты борода. А ещё меня зовут Костоломом. Ты понял, Борода?

Мужичок весь как-то сразу скорректировался, кивнул головой и, невнятно бормоча что-то под нос, отсел от нас. Я смог разобрать из его бормотания лишь: «Кацеунова камера».

— Что это за страшная Кацеунова камера, что её все боятся как огня? — спросил я всезнающего Молкома.

Парнишка, опасливо оглянувшись, пояснил:

— Честно говоря, никто толком не знает, что это за место. Поскольку никто ещё оттуда не возвращался, — быстро заглатывая одну макаронину за другой, признался Молком. — Но говорят многое. Кто-то говорит, что там из рабов кровь высасывают. Видели, мол, как рабов из этой камеры бледных, будто смерть, на тележке выкатывали. Кто-то говорит, что там мозги из рабов выкачивают, и они становятся зомби. Ходят, словно куклы, ничего не понимая. Кто вообще говорит, что рабы просто исчезают в Кацеуновой камере и больше не появляются никогда. В общем, болтают разное, но никто толком ничего не знает.

— Может, просто продают их оттуда, телепортируют сразу к месту назначения? — высказал я догадку.

— Не-е, — не согласился с моим предположением Молком. — Продают рабов в Пронесе на ежедневных торгах, туда весь Пандерлонос съезжается.

— Хараментаро, — неожиданно вмешался в наш разговор Хара. — Хар.

Парнишка удивлённо посмотрел на варнавалийца и, не дождавшись от того объяснения, спросил меня:

— Что он сказал, Джаггер?

— Я не совсем понял, — признался я. — Хара сказал: «Живущий глубоко внизу, Мен-таро — похититель умов».

— Выходит, всё-таки там у рабов высасывают мозги, — предположил паренёк.

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Непонятно всё это: мозги — там, органы — в разделочной.

— В разделочной? — не понял я.

— Ну да, — удивился моей непонятливости Молком. — Так у отработавших своё или покалечившихся рабов вырезают органы. Сердце или, к примеру, печень. Потом всё это добро в дело идёт. Для гладиаторов, скажем, — эти поценнее нас будут, а раны получают будь здоров. Для придворных рабов — руки, ноги. Поговаривают, Карнава крут с домашней прислугой. Чуть что не по нему, рубит, не глядя, руки в мелкую крошку тесаком, который всегда с собой таскает. Вспыльчив, говорят, наш господин, как тот вулкан Грови. Потом, правда, отходит. Вот приходится рабам руки на замену и пришивать. Опять же приторговывают органами налево надзиратели, наверное. В третьи миры продают. Такой товар всегда в цене. А может, себе чего оставляют. Тоже, ведь, не вечные.

— Неужели это правда?

— Зубами клянусь! — Парнишка провёл рукой по губам. — Сам видел. Точнее, как-то прибирался в разделочной, такого страху натерпелся. Жуть. Всё там в крови, все стены забрызганы. А посередине стоит стол с захватами. На нём нашего брата и разделяют. Всё в ход идёт. Даже пенисы.

У меня сразу после слов парнишки пропал всякий аппетит. Картины, нарисованные говорливым Молкомом, были просто ужасны. Даже с животными так не поступают.

«В Галактической Федерации не поступают», — поправил я сам себя.

Есть уже совершенно не хотелось, и, чтобы поддержать разговор, я вновь спросил:

— А почему эту камеру называют Кацеуновой?

— Так это у нас старший надзиратель Кацеун. Такой мерзкий старикашка. Он и выбирает, кто пойдёт к нему в камеру. Когда на работу в котлован идём, он стоит у входа и всё

вынюхивает. Рабы мимо идут, а он, как тот иканейский ястреб, высматривает добычу. Вдруг цап — хватает раба, надзиратели тому руки заворачивают, и только видели беднягу. Почти каждый день кого-нибудь этот паук утаскивает.

Я хотел было выяснить, по какому признаку Кацеун выбирает жертвы, но не успел.

К нам подсел высокий рыжеволосый человек, одетый в форму наподобие той, что имели «опытные», но тёмно-красного цвета. На правом рукаве у него виднелась повязка с надписью «старшина механиков».

Я, насторожившись, замолчал. Я был здесь новеньким, не знал всех правил и обычаев, сложившихся в среде рабов, поэтому ожидал неприятностей от всего. Но в этот раз беспокоился я, похоже, зря. Рыжеволосый добродушно улыбнулся, отчего его лицо покрылось тысячью морщинок.

— Конрад Тройский рад приветствовать тебя, Джаггер, в нашей обители, — сказал старшина механиков, протягивая мне через стол сильную руку.

— И я рад приветствовать тебя, старшина, — ответил я, пожимая широкую ладонь.

— Хорошо ты осадил «опытных», — усмехнувшись, бросил Тройский, кивнув в сторону раздаточной тележки.

Там как раз в это время происходило небольшое столпотворение. Пятеро или шестеро рабов в чёрной форме «опытных» подбирали с пола своих раскоряченных сотоварищей. По взглядам, бросаемым в мою сторону, я решил, что сейчас будет продолжение схватки, и внутренне приготовился к драке, но продолжения не последовало. «Опытные», подобрав с пола подбитых приятелей, удалились восвояси, даже не подойдя к нам. Оставили на потом выяснение отношений.

— Говорят, ты чемпион по диоке? — спросил рыжеволосый.

— Правильно говорят.

— Послушай, Джаггер, хоть ты и чемпион, но одному тебе здесь не выжить. Тем более, если на тебя точат зуб «опытные». Вступай в нашу общину «механиков», и никто тебя не тронет, никакие «опытные», — неожиданно предложил Тройский. — Один в поле не воин — это все знают.

— Тутанканара! — внезапно выдал старик-варнавалиец и тут же повторил: — Тутанканара!

Старшина недоумённо посмотрел на Хару и вновь предложил:

— Ты подумай, Джаггер.

— Я подумую, старшина, — серьёзно ответил я.

Едва старшина, понимая кивнув, ушёл, как Молкома тут же прорвало.

— Соглашайся, Джаггер! — затараторил паренёк. — И харч у «механиков» отменный, и никакие «опытные» тебя не тронут. Это же чудо — на второй день перейти в «механики»! Новичка и в «механики» — такого ещё не бывало!

— Тутанканара! — вновь с выражением произнёс Хара.

Молком недоумённо уставился на варнавалийца.

— Ты что, Хара, совсем на линке говорить разучился? По-человечески не можешь сказать! Заладил «Тутанканара» да «Тутанканара». А что это значит?

Так и не дождавшись ответа от старика, сосредоточенно дожёвывающего свой завтрак, Молком выжидательно посмотрел на меня, всем своим видом спрашивая: мол, что хотел сказать старик?

— Ну, не знаю, что Хара имеет в виду, — чистосердечно признался я. — Буквальный перевод звучит так: «тот, кого остановить невозможно». Тутанканара зовут ещё варнавалийского волка. Надо сказать, это не простой волк, хищник, какого ещё поискать. Около метра в холке, лапы мощные, что у падейского медведя. Запросто один разделяется со стаей мешавских гиен. А гиены эти с лошадь величиной и злые, как сто удавов Рокка. Только не спасает

это их. Этот волк, словно боевая машина, словно молния, врывается в стадо гиен, и отгрызенные лапы и вырванные сердца падальщиков летят в разные стороны. Живёт один-одинешенек, лишь на период спаривания подыскивает себе подружку. Никаких стай не признаёт. Действует всегда один. В общем, волк-одиночка. Но волк не простой. Необычайно выносливый. Может сотни миль преследовать добычу. При этом не есть, не пить, не спать по несколько суток. До тех пор, пока не настигнет добычу или врага. А настигнув, первым делом вгрызается страшной пастью, всеми шестью рядами острых, как лезвия, зубов в грудь противнику. Вгрызается и одним движением вырывает сердце. Причём остановить его действительно практически невозможно. Я сам видел, как варнавалийский волк с перебитым позвоночником, с отстреленной передней левой лапой и раненой правой упорно и достаточно быстро полз, цепляясь зубами за землю, стремясь к своему врагу — охотнику, убившему его подружку-волчицу. И он таки дополз. Непонятно, каким чудом добрался до врага и вырвал сердце у опрометчивого охотника.

Я сделал небольшую паузу, посмотрев в сторону Хары. Старик удовлетворённо кивнул.

— Варнавалийцы издревле приручали Тутанканара, — продолжал я рассказывать внимательно слушающему Молкому. — Точнее сказать, приручить Тутанканара невозможно. Слишком уж он гордый и свободолюбивый. В неволе не живёт, так что дрессировке не поддаётся. Можно лишь подружиться с варнавалийским волком. Сделать это, конечно, нелегко, но, подружившись с человеком, Тутанканара становится преданным ему до конца. Это не щенячья преданность собак. Это преданность настоящего друга. Друга, который не оставит в беде. Который будет с тобой до конца. Который вырвет сердце врагу, убившему хозяина-друга.

— И которого остановить невозможно, — эхом отозвался вслед за мной Молком.

Я хотел ещё что-то добавить, но в этот момент завывла сирена, и по всему пространству барака пронеслось: «Свиньи, на работу!»

Всё вокруг засуетилось, торопливо собираясь на выработки.

— Давай быстрее, Джаггер, к выходу, — сказал Молком, быстро засовывая в рот последние макароны. — Не дай бог, опоздаем к погрузке, надзиратели так уделают, мать родная не узнает.

Протараторив это и залпом допив остывший чай, паренёк стремительно двинулся по направлению к выходу. Я старался не отставать от юркого парнишки, и вскоре мы, усиленно работая локтями, пробираясь сквозь копошившихся рабов, оказались у дверей, в самом конце очереди, стоящей к выходу из барака.

У дверей стояли два надзирателя. Рабы проходили мимо них с вытянутыми руками, и надзиратели при помощи дистанционного управления активировали ручные браслеты энерго-наручников. Процедура была отработана до мелочей, заминок не возникало, и вскоре мы с Молкомом, а следом за нами и Хара, проскочили сквозь выходное отверстие и, миновав уже знакомые мне тройные решётчатые двери, попали в коридор. Здесь ещё несколько надзирателей строили рабов в колонны по трое. Собрав отряд человек в пятьдесят, охранники отправляли их дальше по коридору к общему выходу из бараков.

Я оказался с Харой и Молкомом в одном отряде, и нашу группу, конвоируемую двумя надзирателями, повели по зигзагам длинного коридора. Мимо камеры пыток, мимо разделочной, мимо Кацеуновой камеры. А также мимо дверей женского барака, который сейчас был заперт. Попала ли туда моя Майя, я не знал, но очень надеялся на это. Уже одна возможность того, что моя девочка могла находиться так близко от меня, придавала мне силы и уверенности в том, что и из этой передрыги я выберусь целым и невредимым.

Выберусь вместе с Майей.

О том, что любимая может находиться и на другом конце планеты, и на другом конце Галактики, я старался не думать.

По коридору шли ровно, строем, чеканя шаг, словно солдаты на параде. За порядком бдительно следили охранники, и при малейшем подозрении на расхлябанность виноватые тут

же наказывались небольшим разрядом электрошокера или просто пинком. Рабы, стараясь не сбиться с ритма, рядами по трое вскоре вышли на крытую платформу.

Вдохнув глоток свежего воздуха и зажмурившись от лучей яркого светила Голосе, я огляделся, увидев монопоезд, состоявший из десятка вагонов, во главе которых находился выдавший вид топ-локомотив. Состав стоял на единственном пути платформы. Все вагоны в нём, кроме последнего, были битком набиты рабами.

«Свиньи, в вагон!» — раздалась команда, и наш отряд без лишних разговоров принялся грузиться в свободный вагон.

Платформа располагалась внутри огороженной высоким пластобетонным забором территории. Кроме огромного ангара, в котором находились бараки рабов и откуда нас вывели, на территории лагеря имелись также: здание энергоблока, длинная одноэтажная серая казарма надзирателей с пристроенной к ней столовой, школа гладиаторов и небольшой, аккуратный, из красного кирпича домик старшего надзирателя — Кацеуна. В дальнем от платформы конце лагеря размещалась посадочная площадка, предназначенная для небольших валолетов. Сейчас она была пуста. По всему периметру лагеря виднелись наблюдательные вышки с вооружёнными охранниками. Пластобетонный забор сверху был покрыт несколькими рядами силовых разрядников. Перепрыгнуть, а тем более перелезть через такой забор невозможно. Любой предмет, оказавшийся в радиусе действия разрядников, то есть в радиусе десяти-пятнадцати метров, мгновенно превращался в горсточку пепла, тотчас развеянного пандерлоносским ветром по лагерю господина Карнава.

Кроме того, периметр лагеря круглосуточно охранялся кибернетической охраной, которая, как известно, не спит, не ест и от экранов следящих мониторов не отрывает взгляд ни на секунду. К тому же вмонтированные в наши ошейники индивидуальные сигнализаторы наверняка подадут сигнал охране, если даже каким-то чудом и удалось бы покинуть территорию лагеря.

В общем, о побеге из лагеря пока стоит позабыть, но ещё оставался шанс покинуть гостеприимного господина Карнава с изорениумных разработок, куда нас всех и направили. Небольшой, но всё же шанс.

Внутри самого лагеря рабов особо не охраняли. Лишь несколько вооружённых энергоавтоматами охранников в броне класса «Охрана порядка» прохаживались по краю платформы, изредка бросая ленивые взгляды в их сторону. Беспечность вполне понятная: все рабы были в энергонаручниках, которые хоть и не находились сейчас в состоянии активации, могли быть мгновенно, любым из охранников активированы. Например, сигналом «общая опасность». И тогда все рабы, находящиеся в радиусе сотни метров, попали бы в положение с конечностями, скованными мощным силовым полем ближнего действия, которое ещё называют шанхайским узлом.

Мне досталось место рядом с небольшим решетчатым окном. Скамеек в вагоне, переоборудованном из пассажирского, не было. Как не было и потолка, вместо которого имелась решётка из стальных в палец толщиной прутьев. В центре решётки лежали узкие мостки, по которым проходили охранники, когда им нужно было добраться из одного конца состава в другой. Рабы, держась за приваренные к стенам поручни, расположились вдоль стен вагона. Кому не досталось места у бортов, держались за потолочную решётку. Все стояли — сидеть не разрешалось.

Погрузка прошла быстро, без заминок; наконец, лязгнула запираемая дверь вагона, и монопоезд, секунду подумав, тронулся в путь.

На прииски.

Медленно набирая скорость, он пополз сначала по территории лагеря, затем, миновав открывшиеся большие металлические ворота, тяжёлой гусеницей вылез наружу. Мелькнула надпись над воротами «Лагерь его Высочества господина Карнава, эрц-герцога Пандерлий-

ского», и поезд, набирая обороты, с каждой секундой всё более удаляясь от мрачных стен лагеря рабов, помчался вперед.

— А что за фрукт этот господин эрц-герцог Карнава? Ты, Молком, когда-нибудь его видел? — спросил я стоявшего рядом паренька.

Молком, оглянувшись и убедившись, что нас никто не подслушивает, ответил:

— Да, видал. Пару раз, и всё со спины. Его Высочество не очень жалует нас, свиней; он всё больше навевается к бойцам, к гладиаторам. Они у него в любимчиках. За хорошего бойца господин Карнава готов выложить целое состояние. Да и то сказать, несколько сотен гладиаторов приносят ему больше дохода, чем все остальные тысячи простых свиней.

— Почему свиней? — спросил я.

— А мы для них свиньи и есть, — вновь оглянувшись, тихо ответил парнишка. — Безотходное производство. Пашем много — едим мало. Еда два раза в день: утром завтрак, который ты уже видел; второй раз поздним вечером, после десятичасового рабочего дня. А работа-то будь здоров: надорваться — раз плюнуть.

— Так ведь и загнуться недолго, — покачал головой я.

— Да кому мы нужны? — удивился паренёк. — Через два-три года мы и так пойдём в утиль. Или под нож пустят в разделочную камеру, а потом налево куда-нибудь перепродадут по дешёвке. После изорениума долго не живут. Хара — тому пример. Ему и пятидесяти нет, а выглядит, как семидесятилетний старец. Он уже три года на приисках вкалывает, скоро на описание пойдёт. Да что там! Все мы пойдём на списание рано или поздно. Только на стимуляторах и держимся; их вечером всем вкалывают. Правда, говорят, что бойцам не делают биостимуляции.

— Бойцам? — переспросил я.

— Ну да, бойцам. Гладиаторам. Тем, что до смерти дерутся на потеху публике. Ставки на этих боях, знаешь, какие? Бешеные! Поэтому Карнава и любит бойцов своих проводить, а к нам, простым свиньям, не очень-то вхож.

— Что, так и приходит? Прямо на выработки?

— Да! Сам видел! Правда, с ним четверо стеротаргов всегда неотлучно находятся; следят, чтобы никто не смел покуситься на жизнь их драгоценного господина. И, причём, бдительно следят. В прошлый раз один раб случайно поскользнулся, падать стал и махнул рукой. Ну, тарги, видно, и посчитали, что он что-то имеет против нашего Карнава, и до земли долетели лишь ошмётки раба. Роботы из четырёх энергоружей разом пальнули. Хотя насчёт того, что сам Карнава на выработках бывает, я всё же сомневаюсь. Голограмма всё это. Станет ещё Карнава — солнце на земле и тому подобное — своим бесценным здоровьем рисковать. Фантом, наверное, вместо него путешествует по приискам.

— Тогда зачем стеротарги? — недоумённо спросил я.

— Как зачем? А голограмму охранять! Чтобы никто не смел даже на голограмму великого Карнава покуситься. Да и так, для солидности. Как это такой господин, пусть и голограммный, а без охраны? Непорядок.

Ответив мне, Молком, задумавшись, замолчал: наш поезд к этому времени миновал череду возделанных полей и с ходу влетел в укутанный прохладой высокий лес. Широкие кроны вековых деревьев вмиг погасили палящие лучи светила Голосе. Сразу стало намного прохладней: холодный ветерок приятно обдувал лицо, кругом защебетали птицы — беззаботные создания. Одна из них, весело чирикавая, села на прутья потолочной решётки.

«Вот вольное создание, — подумал я, глядя на крохотное существо. — Не знает ни забот, ни тревог. Летаёт где хочет и куда хочет, и никто ей не указ, никакой господин Карнава. Летаёт и не ведает, что обладает самым бесценным даром во Вселенной. Даром, который дан Богом всем, но не все вольны им распоряжаться. И который зовётся простым словом — свобода».

— Бойцы, свиньи. А ещё кто есть? — отвлёкшись от невесёлых мыслей, вновь спросил я Молкома.

— Свиньи — это самый низ, дно, хотя и среди них есть тоже разделение. Всякие там козлы, опущенные и тому подобные. Тех зовут швалью или мразью. Над свиньями командуют бригады. Бугры, если короче. Из свиней выбирают кого получше и определяют: одних в «механики» — это те, что работают с техникой, других в «головастые» — это инженеры, а особо отличившихся — в «опытные». Это которые уже сами присматривают за рабами. На разработки надзиратели не ходят: излучение всё-таки. Жить хотят. А за порядком следить всё же надо. Вот «опытные» и следят.

— Понятно, — сказал я и, секунду подумав, вновь спросил: — А женский барак? Что ты, Молком, про него знаешь?

— Почти ничего, — ответил парнишка. — От Тоскана знаю, что есть такой, но самих женщин из него ни разу не видал. Говорят, не гоняет Карнава их на разработки, для своего гарема бережёт. Очень он озабоченный в этом плане, наш великий господин. Вот человекоподобных видал, и не однажды. Их на неделю увозят в глубь леса, на дальнюю выработку. Там этого изорениума, как грязи. Ну и излучение соответственно побольше, чем на нашей выработке. Поэтому мрут человекоподобные как мухи; больше года никто не протягивает. Так что нам ещё повезло. А про женщин ничего не могу сказать, не видел ни разу.

После такого ответа Молкома мне сразу стало как-то не по себе. В голову полезли мрачные мысли, и остаток пути я молчал. О плохом думать не хотелось, другое же в голову не шло. Отгоняя непрошенные мысли, я сосредоточился на планах побега. Из лагеря не убежать — это факт. По дороге на выработки — тоже. Оставалось место добычи изорениума. Похоже, это единственный шанс спастись.

Наш мрачный поезд, гремя и лязгая, выскочил из леса и, натужно ревя, устремился вверх на гору. Медленно, с усилием поднявшись на вершину небольшой горы, монопоезд резко кинулся вниз навстречу изорениумным разработкам.

Глава 4

Но и этого единственного шанса не было. Вероятность убежать с изорениумных разработок равнялась абсолютному нулю. Легче было удрать из хорошо охраняемого лагеря, перепрыгнув забор, напичканный разрядниками, разорвать потолочную решётку вагона и выпрыгнуть на полном ходу из монопоезда, чем сбежать из котлована, в котором добывали изорениум для господина Карнава.

Мы работали в котловине уже три часа, и я всё больше и больше убеждался в этом. Из котлована с изорениумной рудой сбежать было невозможно. Если ты, конечно, не птица. Я же птицей не был, а, не имея крыльев, покинуть это гиблое место нереально.

Изорениумный котлован представлял собой огромную, диаметром в несколько сот метров яму, вырытую многими поколениями рабов Пандерлоноса. Прямые отвесные стены котлована уходили вниз метров на сто. В центре котлована располагалось поднимающееся на двадцать-тридцать метров изорениумное плато, нигде не соприкасающееся со стенками котлована. Расстояние между крутыми стенами котлована и краями плато было везде одинаково — около пятидесяти метров. Рабов на выработки доставляли при помощи выдвижного подвешенного моста, убираемого на период работы. Длинная лента моста выдвигалась из специального подъёмника, закреплённого на краю котлована. К подъёмнику рабов переправляли из изорениумной усадьбы, огороженной таким же высоким забором с разрядниками, какой окружал лагерь с бараками.

И сама усадьба напоминала уменьшенную копию лагеря господина Карнава, имея такой же энергоблок, такую же казарму надзирателей и даже такой же из красного кирпича домик старшего надзирателя. Имелась в этом мини-лагере также и посадочная площадка. Вот только ангара для рабов и школы гладиаторов здесь не было. К усадьбе вёл длинный крытый пласто-бетоном туннель, по которому рабов гнали к разработкам от монодорожной платформы.

Там и разыгралась одна неприятная сцена, свидетелем которой я стал. Рабов уже выгрузили и, построив в колонну, провели к подъёмнику. Они стояли, терпеливо ожидая, когда опустится подвесная лестница, как вдруг неизвестно из какой двери в помещении подъёмника появился старший надзиратель Кацеун — маленький сухонький старичок с острым, словно лезвие Акирана, взглядом, пробирающим до костей. Взглядом, способным пригвоздить к полу кого угодно.

Кацеун быстро, так что двое сопровождающих надзирателей едва поспевали за ним, просеменил вдоль колонны рабов. Рабы стояли по трое в ряд; весь наш поезд — всего около пяти-сот человек.

Глядя прямо в глаза потенциальных жертв, старший надзиратель быстро прошёл почти до конца колонны и вдруг остановился недалеко от меня с Молком и Харой. Постояв немного, словно принюхиваясь, Кацеун вытащил из кармана небольшой приборчик и, направив его в сторону помертвевших от ужаса рабов, махнул сухонькой рукой на одного из них. На бородатого мужичка, того, что всё время ворчал и каркал. Того, который так боялся Кацеуновой камеры.

Бородатый даже рта не успел открыть, как к нему подскочили надзиратели и, ткнув электроразрядником, потащили бесчувственное тело обратно по туннелю и наверняка в Кацеунову камеру.

А сам старший надзиратель как ни в чём не бывало сунул приборчик обратно в карман и махнул ожидавшим его приказаний надзирателям рукой: «Мол, грузите свиней».

Хотя мне и был неприятен тот бородатый, всё же стало жаль беднягу: вот уж действительно пути Господни неисповедимы. Бородатый попал именно туда, куда так страшился попасть.

Мне же надо было стремиться побыстрей выбраться из этого дерьма. Но как это сделать, я пока что не имел ни малейшего представления.

Охранялись изорениумные разработки не хуже лагеря. Кроме того, что по окружности котлована располагались четыре наблюдательные вышки, из которых прекрасно просматривалась и простреливалась вся выработка, в довершение ко всему, по дну котлована бегали голодные стаи пандерлоносских летающих собак.

Страшные твари, эти собаки. Злые, как черти. Летать они, конечно, не могут, но подпрыгивать метра на четыре в высоту благодаря воздушному пузырю, расположенному в их брюхе, эти опасные животные вполне в состоянии.

Пандерлоносские собаки не нападают поодиночке. Они действуют всегда стаями, поначалу кружась вокруг жертвы, затем внезапно подпрыгивают вверх и стремительно пикируют, вырывая куски мяса из тела обречённого. Рабы зовут их грызоловами, и загрызть этим тварям человека ничего не стоит.

Молком рассказал, как на прошлой декаде один раб поскользнулся и, скатившись по стене плато, оказался на дне котлована. Стенки плато достаточно пологие, так что раб почти не пострадал. Похоже, только руку сломал, пока кубарем летел вниз — навстречу пандерлоносским собакам. Если бы не рука, возможно, раб и смог бы спастись. Но рука подвела, и пока раб безуспешно пытался взобраться на край плато, грызоловы настигли его. За считанные минуты они, резко пикируя и вырывая куски плоти, разделались с беднягой. От неосторожного раба ничего не осталось. Грызоловы сожрали даже голову.

Всё это мне рассказал Молком, когда мы трое — я, парнишка и старик Хара — отдыхали после первого трёхчасовика. Рабочий день раба делился на три части, по три часа каждая. Между ними полагался получасовой отдых, и изморённые тяжёлой работой, мы сидели в тени изорениумной тележки.

Работа была адской; добывать изорениум нелегко. Кроме опасности лучевой болезни, добыча этой редкой руды сопряжена со многими трудностями. Изорениум — необычайно прочный минерал. Отбить даже крохотный осколок этого ценнейшего камня очень сложно. К слову сказать, за день весь наш барак добывал не более одной-двух тонн изорениума. Говорят, что на других выработках добывать изорениум ещё сложнее.

Я с трудом отработал первый трёхчасовик. Пот заливал глаза, дышать из-за поднятой тысячью ног пыли было невозможно. Вспотеть действительно было от чего. Мы, кто ломками, кто кувалдами, кто кирками, били по изорениумной жиле, с огромным трудом отбивая небольшие осколки минерала. Через несколько минут такой интенсивной работы руки с непривычки налились свинцом, отказываясь подчиняться. Хотелось остановиться, всё бросить, но останавливаться было нельзя. Отдыхать до положенного времени категорически запрещалось. За этим зорко следили «опытные». Как мне сказал Молком, сами охранники на изорениумное плато не рисковали ходить, перепоручив там свою работу избранным среди рабов или, говоря проще, «опытным». И те хорошо выполняли поставленную перед ними задачу. Подгоняли нерадивых, пинали уставших, тщательно следили за порядком. Ещё бы, никто из них не хотел перейти обратно в обычные рабы. В свиньи. Вот и старались чернокостюмники, выслуживаясь перед надзирателями. И старались вовсю. Ни один раб не мог позволить себе даже минутную передышку. За провинности били; аккуратно, без увечий — имущество великого господина Карнава надо беречь, — но так, чтобы раб знал своё место. Чтобы пахал, чтобы отрабатывал те помои, которыми его кормят.

«Опытные» были все как на подбор — здоровые, крепкие. Их не изматывала тяжёлая работа, и эти молодцы выглядели намного лучше остальных рабов. Их было не так уж много — не более двух десятков. Красных костюмов «механиков» виднелось гораздо больше. Они управляли молотобойными машинами в тех местах, где изорениум нельзя было отбить ломом или кувалдой. Также ремонтировали подвесную дорогу, по которой с плато доставлялась руда

в подогнанный к самому краю котлована грузовой вагон монопоезда, и следили за работой остальных механизмов.

«Механикам», судя по всему, жилось гораздо лучше, чем обычным рабам. Работа у них была более осмысленная и менее тяжёлая. Кроме них я заметил и несколько ярко-жёлтых костюмов. Это были «головастые» — инженеры. Они в основном следили за правильностью разработки изорениумных пластов и погрузкой руды в вагончики подвесной дороги.

— Вот бы перейти в «головастые», — мечтательно проговорил Молком, с завистью глядя на одного из рабов в жёлтом костюме, внимательно осматривающего кусок руды в стоявшей неподалёку тележке. — Работать не надо, ходи себе с умным видом да поднимай камешки. Только не пустят меня в «головастые». Умом не вышел.

— Что так? — спросил я.

— Конечно, не пустят, — подтвердил Молком. — Знаешь, каких умных выбирают туда? Не нам чета. Всё люди с образованием. Вон, к примеру, тот, что в тележке копается. Профессор самого Прима-Касгонского университета! Головастый мужик. Поэтому сейчас и не работает. Пользуется своим умом. «Механики» тоже не особо перерабатывают. Так что иди, Джаггер, в «механики». Даже не раздумывай. Хотя это и не «головастые», всё одно лучше, чем ломом махать.

Я согласно кивнул и лишь закрыл на секунду глаза, утомлённый работой, как услышал громкий приказ:

«Свиньи, работать!»

Ко всему человек привыкает — такое уж он существо. Ещё несколько часов назад я не представлял себе, что смогу безостановочно махать киркой, отбивая куски изорениума. Махать, как другие, привычные к этому рабы. Как Молком, например, или как старик Хара. Варнавалиец, несмотря на то, что уже немолод и провёл несколько изнурительных лет в рабстве, двигался на удивление живо. Подбадривая то и дело нас с Молкомом возгласом «Хар!», он неумоимо работал ломом и добывал изорениума больше нас, молодых. Вскоре я тоже прихотился орудовать киркой и, хотя натёр руки до мозолей, к концу второго трёхчасовика вполне втянулся в ритм. Главное в этом деле — не переусердствовать. Кирка и лом, они ведь работают сами и быют по твёрдой руде. Надо лишь поднимать их и, не прилагая особых усилий, опускать.

Всё это мне объяснил говорливый Молком. Парень, хоть и добывал руды меньше, чем Хара, но тоже работал как заведённый. Несмотря на его небольшой рост и среднее телосложение, работа не тяготила Молкома. Он уже привык за тот год, что вкалывал на господина Карнава, к тяжёлой жизни раба. Если вообще к такой жизни можно привыкнуть.

Даже работая как проклятый, Молком не переставал болтать. За несколько часов на плато я узнал о парнишке почти всё. Узнал, как он жил припеваючи в обычной семье фермеров на планете Джакотан, что в системе Проксимы Льва. Как учился, как влюблялся, чем увлекался. Всё было нормально, пока в тот самый злосчастный день он со своим другом Тосканом не решил тайком от родителей смотаться на Большой Ратан — планету-спутник Голо. Там проводятся ежегодные турниры по боевым единоборствам, и ребята, стараясь сэкономить время, воспользовались услугами контрабандистов, нелегально переправляющих людей через подпространство.

Сделав так, они не подумали о последствиях, и теперь вот вкалывают на великого господина Карнава.

«А ты, Джаггер, как попал в этот крысиный мешок?» — услышал я вопрос Молкома и, собираясь ответить, повернулся к парнишке.

Если бы я в тот момент не обернулся, не жить мне больше. Истлели бы мои косточки никому не нужные на дне котлована. Или, скорее всего, и костей бы от меня не осталось; всё подъели бы голодные грызоловы.

Но я обернулся и успел заметить, как один из «опытных» наносил мне удар ломом. Он бил со всего размаху, не жалея своих драгоценных сил. Я не мог остановить удар и лишь, отклонившись, смягчил его действие.

Я видел лицо того, кто ударил меня. Это был Ней — бригадир «опытных», и наверняка он злорадно ухмылялся, довольный проделанным, пока я катился вниз по склону котлована.

Будь на моём месте обычный человек, ему вполне хватило бы такого удара, и до дна котлована докатилось бы уже безжизненное тело. Происходи всё это с обычным человеком, то, даже если бы он выжил после встречи с ломом «опытного», всё равно на крутом, усеянном камнями склоне переломал бы все кости. И в конце пути его бы ждала верная смерть от пандерлоносских летающих собак. От грызоловов.

Но я не был обычным человеком. Я был космодесантником Федерации — и этим всё сказано. Как все десантники, я прошёл необходимый курс по перестройке организма ещё в учебном центре на Падее. Из падейской учебки люди выходят если не киборгами, то уже и не на сто процентов натуральными. С телами десантников там производят целый ряд уникальных медицинских операций. Кости пропитывают специальным составом, повышая их прочность в десятки раз. В мышечные волокна добавляют изотермические нити, многократно повышая тем самым физическую силу. Внутренние органы тоже перестраивают таким образом, что десантники становятся более защищёнными от воздействия внешних неблагоприятных факторов. Космодесантник после этого легче переносит ушибы, падения, ранения. Много чего меняют в организме космодесантников в Падейской учебке. В том числе нервную систему, которую меняют кардинально, в результате чего космодесантник реагирует на всё намного быстрее обычного человека. Кроме того, я был чемпионом Джагии по диоке. Трёхкратным и так и не побеждённым. А это что-нибудь да значит.

Особенно, когда на тебя нападает стая голодных пандерлоносских собак.

Сгруппировавшись, я довольно благополучно скатился на дно котлована. Хотя совсем благополучным такой спуск не назовёшь. Без синяков и шишек, конечно же, не обошлось, но по крайней мере все кости были целы.

Я встал с земли и осторожно ощупал свои конечности, проверяя, нет ли переломов. Удовлетворённый осмотром, я уже собрался ползти обратно вверх, ухватившись за небольшой уступ, чтобы подтянуться и, цепляясь за такие же уступы, выбраться обратно на плато. Мне срочно необходимо было выбраться на плато, чтобы посчитаться с Неем за его подлый поступок, да просто потому, что я хотел жить.

Жить, чтобы спасти Майю.

Краем глаза я заметил стремительно приближающуюся стаю летающих собак. На первый взгляд, грызоловов было штук семь.

Я всё же успел подпрыгнуть до того, как стая голодных собак домчалась до меня, и, если бы не правая рука, плохо слушавшаяся после встречи с ломом «опытного», смог бы подтянуться до уступа. Но рука подвела, и я кубарем слетел вниз, сбитый одним из грызоловов — большим чёрным самцом, первым добравшимся до меня и сразу же кинувшимся на добычу.

Упав на землю, я мгновенно вскочил, готовый к любым неожиданностям. И готовился не зря. Самец снова подпрыгнул на четырёхметровую высоту и вновь стал пикировать на меня.

В общем-то, противопоставить его клыкам я ничего не мог. У меня не было оружия, и я не имел таких же острых зубов. Но зато у меня имелся накопленный за столетия всеми планетами Федерации огромный боевой опыт космодесантника, способного выжить в любых условиях, в любых обстоятельствах. Способного выжить вопреки всему. И ещё у меня имелась великолепная реакция чемпиона диоке, помноженная на переделку организма в Падее.

Припомнив совет инструкторов: «Если вас атакует собака, то, дождавшись её броска, резко ударьте кулаком в нос животного», — я воспользовался наставлениями боевых педаго-

гов. Никому бы не посоветовал такой способ борьбы с собаками, тем более с летающими собаками Пандерлоноса. Никому, кроме космодесантников Федерации.

Но у меня этот приём сработал, и грызолов, наткнувшись большим чёрным носом на подставленный кулак, ушёл в аут. Он, словно резиновый мячик, подлетел вверх, и, когда вновь опустился, я уже ждал его. Схватив бесчувственного грызолова за загривок, я одним движением стукнул его о колено. Потом отбросил в сторону с переломанным позвоночником и тут же уклонился от кинувшегося на меня другого грызолова.

Оставшиеся шестеро пандерлоноских собак настигли меня. Они, угрожающе рыча, принялись подпрыгивать и по очереди пикировать вниз. Но меня так просто не возьмёшь. Ободрённый победой над первым грызоловом, я более уверенно отбивал их нападки и вскоре сумел перехватить ещё одного хищника. Поймав его на лету, я резко свернул грызолову шею и тут же получил мощный удар в левое плечо. Удар был чувствительным, но не настолько, чтобы вывести меня из равновесия. Развернувшись, я встретил кулаком ещё одну пандерлоноскую собаку, и грызолов бесчувственным кулем шлёпнулся на землю.

Оставшиеся летающие собаки злобно, как по команде, зарычали и, разозлённые неудачей своих сородичей, разом набросились на меня. Две сверху, две снизу. Они успели укусить меня, вырвав немного плоти из человеческого тела. Но это было всё, на что хватило остатков стаи. Одной из собак, нападавших снизу, я перебил хребет ударом ноги. Бросившегося сверху и успевшего вцепиться мне в левое плечо грызолова я почти разорвал пополам руками. Боль придала мне силы, и следующей собаке я мощным ударом вбил зубы в её внутренности. Откинув грызолова в сторону, я приготовился отражать новую атаку.

Но её не последовало. Последняя пандерлоноская собака, поняв всю бесперспективность дальнейшей борьбы, кинулась прочь, удаляясь от меня скачками гораздо быстрее, чем ещё недавно мчалась ко мне.

Ярко светило солнце Голосе, длинные с причудливыми изгибами кактусы отбрасывали затейливые тени. Кругом, в лужах крови, валялись изувеченные жуткие создания, а я стоял и вопреки всему был жив. От потери крови слегка кружилась голова, но всё это были сущие мелочи — главное, что я выжил. Прерывисто дыша, я пытался прийти в себя после стремительного падения и столь же молниеносной схватки с грызоловами.

Несмотря на то, что я выжил, пострадал я всё же прилично: изодранная спина в крови, левое плечо основательно покусано. Хорошо потрепали меня в драке пандерлоноские летающие собаки.

Кровь застилала глаза, стекая струйкой с рассечённого лба, но я уже не обращал внимания на такие мелочи. С остервенением, цепляясь за малейшие уступы, я упорно полз наверх, стремясь встретиться с тем, кто пытался меня убить, — с Неем, бригадиром «опытных».

Не знаю, что мне придало силы: желание разделаться с подлым врагом или же схватка с грызоловами так возбудила нервную систему, но я буквально в считанные секунды, цепляясь за еле заметные уступы, поднялся на поверхность изорениумного плато.

За моим подъёмом, как и за схваткой с собаками, наблюдали, и, едва я, сделав последний рывок, выскочил, словно пловец из воды, на плато, как тут же «опытные» попытались сбросить меня обратно. Двое молодцов в чёрной форме пинками попробовали отправить меня вниз к летающей пандерлоноской смерти, но это у них не очень-то получилось.

Перехватив ногу одного и блокировав нападение другого «опытного», я расправился с теми, кто так жаждал моей смерти. Левой ногой сложил пополам напавшего на меня громадного и толстобрюхого помощника надзирателя, а правой рукой выбил челюсть высокому, спортивного вида чернокоستمнику. Ни брюхо первого не спасло от моих сокрушающих ударов, ни спортивный вид второго не помог «опытным» выстоять. Толстый, ухнув с мгновенно посиневшим лицом, грохнулся наземь, добитый моим рубящим ударом руки сверху вниз. Спортсмен,

с лицом, искажённым от моего прямого удара правой, упал на спину, стукнувшись при этом затылком о кусок изорениумной руды.

Не знаю, что на меня нашло. Я так разъярился, был так зол, как, наверное, никогда в жизни. Хотя нет, это не совсем так. Схожее чувство, схожая ситуация уже были у меня давно в молодости на планете, где я вырос. На Джагии. Тогда я расправился со шпаной из банды «стариков». Это была обычная уличная шпана, терроризирующая по вечерам весь микрорайон. Невозможно было вечером выйти на улицу, чтобы не встретиться со «стариками» и не испытать множество унижений, проходя мимо этих молодцов. «Старики» долго доставали меня и, наконец, достали. В то время я уже довольно серьёзно занимался диоке, я вообще этим боевым единоборством занимаюсь сколько себя помню, поэтому хулиганам здорово досталось. Многих «старичков» я тогда научил уму-разуму, отбив у них охоту издеваться над другими. Тогда меня тоже охватило сходное чувство безграничности собственных возможностей, ощущение того, что меня невозможно остановить. Независимо от количества противников, вставших у меня на пути, я был непобедим.

Нечто похожее происходило и сейчас.

Окинув взглядом плато и заметив нескольких «опытных», среди которых был и Нея, я двинулся к ним. Остальные рабы продолжали работу, не замечая происходившего; лишь некоторые из них, и в том числе Хара с Молкомом, остановились, наблюдая.

А посмотреть действительно было на что. Я шёл, словно тектотанк, сметая всё на своём пути, стремясь во что бы то ни стало достигнуть бригадира «опытных». Дернувшийся на меня один из чернорубашечников был буквально перемолот стремительной серией моих разящих ударов. Его безжизненное тело, подлетев, упало на тележку с изорениумом, от чего тележка перевернулась, привалив искалеченного чернокостюмника кусками руды.

Остальные «опытные» были не так беспечны, как первая троица. Схватив кто лом, кто кирку, а кто и кувалду, они бросились на меня. Меня одновременно атаковали пятеро рабов в чёрной форме, и мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы выжить в этой схватке.

Мимо со свистом пролетел тяжеленный лом, и я, увернувшись от этого орудия труда, в прыжке ногой выбил зубы «опытному». Ещё не успев приземлиться, я другой ногой хорошенько достал голову второго чернокостюмника, кинувшегося на меня с кувалдой. Выбитая кувалда отлетела далеко назад, прибив по окончании своего полёта ещё одного «опытного». Тяжелый молот врезался в грудь чернокостюмнику, и тот, даже не пикнув, замертво свалился на землю.

Как свалился, словно мешок с дерьмом, следующий чернокостюмник. Я поймал его руку на захват и, мгновенно сломав её, отбросил «опытного» в сторону. Чернокостюмник, взревев нечеловеческим голосом, пролетел по воздуху несколько метров и, шмякнувшись о твёрдую поверхность плато, затих.

Всё же, как бы ты ни был искусен и силен, никогда не следует расслабляться, всегда надо быть начеку. Я на секунду забыл об этом золотом правиле и тут же поплатился за это.

Оглядывая поверженных, стонущих противников и высматривая среди них Нея, я отвлёкся и тотчас получил удар ломом по ключице. Хотя удар и пришёлся вскользь — поторопился «опытный», — но, будь у меня обычные кости, валялся бы я сейчас, как расплюснутая колёсами меомобиля тарибская лягушка.

Но на этот раз повалился «опытный». Сбитый ударом, я сразу же вскочил и, упреждая следующий выпад, ударил «опытного» по коленным чашечкам. Чернокостюмник с закатившимися от боли глазами и смертельно побледневшим лицом стек на землю, а я, потирая ушибленное плечо, наконец смог осмотреться.

Нея среди поверженных врагов не было. Он торопливо, словно иканейский заяц, убежал с места схватки.

На то, чтобы разделаться с этими «опытными», у меня ушли считанные секунды, и большинство рабов по-прежнему были заняты добычей изорениума, не заметив, что произошло. Большинство, но не все. Стоявшие поблизости от места драки рабы прекратили работу, и кто с интересом, кто со страхом наблюдали за происходящим. Но независимо от того, как рабы воспринимали развернувшуюся схватку, на лицах всех застыло недоуменное выражение. Рабы не понимали, что происходит.

А происходило что-то явно из ряда вон выходящее. Такого лагерь господина Карнава не видел никогда. Такого, чтобы один из рабов, один из «свиней» голыми руками разделался с несколькими «опытными», ещё не бывало. И не было такого, чтобы бугор «опытных» трусливо убегал от какого-то раба.

Удивиться действительно стоило, но мне сейчас было не до эмоций товарищей по несчастью. Пока не опомнилась охрана на вышках, пока надзиратели не спохватились, я должен достать Нея.

Чего бы мне это ни стоило.

Ней, кажется, уже понял, что ему грозит, и на ходу, громко созывая своих подручных, бежал к гидравлическому отбойнику. Все «опытные», находившиеся на изорениумном плато, услышав призыв бригадира, бросились ему на выручку. Вооружившись кирками и ломami, они небольшими группами сбегались к истошно вопящему Нею. Конечно, если бы все оставшиеся «опытные», а их было около пятнадцати человек, разом напали на меня — мне бы несдобровать. Уделали бы меня чернокостюмники. Как пить дать. Против пятнадцати ломов не в силах устоять никакое диоке. Но мне повезло: подручные Нея сбегались с разных краёв плато к месту схватки группами по трое-четверо.

Меня действительно нельзя было остановить. «Опытные» ещё не поняли этого и поэтому падали один за другим на твёрдую землю Пандерлоноса. В меня словно вселился дух Рекрата Неистового, славившегося способностью побеждать многочисленных врагов и способного в одиночку обратить в бегство десятки противников.

Первую группу чернокостюмников, бросившихся на спасение своего бригадира, я буквально разметал по изорениумному плато, словно свору летающих собак. Но всё же один из чернокостюмников задел меня куском изорениумной руды. Жил он после этого от силы секунды три, но и мне прилично досталось: дальнейшее я помню лишь урывками. Помню, как бежал, видя всё перед собой словно в тумане. Помню, как набросился ещё на нескольких «опытных». Эти чернокостюмники оказались сообразительнее своих приятелей и, едва я переломал кости хорошим броском одному из них и выбил зубы другому, разбежались кто куда. Чувство самосохранения оказалось у них сильнее привязанности к своему бригадиру.

Чего не скажешь об оставшихся троих «опытных», подбежавших к гидравлическому отбойнику, в котором засел Ней. Эти стояли горой за главаря и отступать не намеревались. Полные сил, вооружённые кирками, опытные надеялись наконец-то одолеть меня.

Мои же силы были на исходе. От полученных ударов, от большой потери крови я начал сдавать. Силы таяли с каждой секундой, и последние метры до отбойника я едва добежал. Казалось, сил у меня осталось ровно столько, чтобы сделать последний вздох и умереть. Но умирать я не собирался. Сначала Ней, а потом уж я. Сначала Ней, а потом посмотрим. Сделав последнее, чудовищное усилие, я наконец приблизился к машине, в кабине которой укрылся бригадир «опытных».

Несмотря на потерю сил, я добрался бы до спрятавшегося, словно улитка в своей раковине, Нея. Но эти трое... Троих вооружённых кирками сейчас для меня было слишком много.

Острый наконечник кирки просвистел в нескольких миллиметрах от лица, и единственное, что я смог сделать, — это ударом руки по бицепсу «опытного» выбить из его рук оружие: добивать чернокостюмника сил уже не было. «Опытный» отскочил в сторону с искажённым от

боли лицом и обвисшей, словно плеть, рукой. С трудом увернувшись от почти одновременно ударивших меня кирками других врагов, я перекатился и, опершись о корпус отбойника, встал.

Мне повезло — кирки «опытных» застряли в обшивке машины, да так, что их невозможно было извлечь. Не произойди этого, мне бы пришлось туго.

Я пополз по обшивке отбойника, стремясь из последних сил к кабине водителя, где из-за толстого, небьющегося стекла испуганно пялился на меня бригадир «опытных». При этом сильный удар киркой по правой ноге едва не сбил меня с машины, но я удержался и даже, перевернувшись на спину, здоровой ногой выбил челюсть ранившему меня чернокостюмнику. В этот момент я почувствовал, что падаю, но всё же, непонятно каким образом уцепившись за стрелу отбойника, удержался на обшивке. Ней включил гидропривод отбойника и попробовал стрелой сбить меня на землю. Зря старался; во всем мире уже никто и ничто не могло остановить меня.

Я увидел залитые страхом глаза Нея, его побелевший трясущийся рот и изо всей силы, на которую ещё оставался способен, ударил в сверхпрочное стекло кабины. Стекло рассыпалось тысячью сверкающих брызг, и я одним движением, схватившись руками за волосы бригадира «опытных», выкинул его из кабины.

На миг это вернуло мне силы, и я спрыгнул на землю вслед за выброшенным главарём «опытных». При этом едва не потерял сознание от резкой боли в ноге, но всё же устоял. Сжав зубы, поднял за шкирку с земли Нея и пинком здоровой ноги отбросил его от машины.

Едва Ней, очухавшись, встал, я тут же сильным ударом ноги продолжил его движение вперёд. Я старался бить мощно, но в то же время так, чтобы бригадир «опытных» всё время был в сознании, чтобы видел, куда я направляю его движение.

Я гнал главаря чернокостюмников, словно мяч по футбольному полю, к самому краю плато. Не знаю, сколько раз я ударом направлял путь Нея к обрыву. Может быть, пять раз, может, десять. Наконец мы добрались до края. Ней стоял, весь ободранный, в изорванном, ставшем серым от пыли костюме, и с ужасом в оловянных глазах смотрел на меня.

— Даю тебе шанс, — я, тяжело дыша, проговорил. — Я не буду бить тебя ломом, а просто сброшу вниз. И если ты выживешь, то ты достоин жить. Если нет — не обессудь.

Ней хотел что-то сказать, как-то оправдаться, быть может, уговорами спасти свою шкуру, но я не дал ему такой возможности. Стремительным круговым ударом ноги я сбросил бригадира «опытных» вниз.

Даже не взглянув туда, на дно оврага, я лишь несколько секунд постоял, вслушиваясь. Услышав звук катящегося по склону тела, глухой удар и сразу же после этого радостное повизгивание грызоловов, я отвернулся от края обрыва.

Наверное, всё же я поступил неразумно. Не надо было мне связываться с этими «опытными». Перетерпел бы унижения и сейчас спокойно работал бы на благо господина Карнава, живя себе потихоньку жизнью раба. Может быть, долго жил, потому что мне не опасно излучение изорениумных руд. Как, впрочем, и любое другое жёсткое излучение. Работал бы себе помаленьку, махал ломом, не высывался и, состарившись, умер бы спустя долгие годы верным рабом эрц-герцога.

Но этого не произошло. А не случилось так — потому что я не раб. Потому что я гражданин Галактической Федерации. Потому что я родился свободным человеком, им и умру.

От подвесного моста ко мне бежали четверо охранников в активированной, готовой к бою полуброне «Правопорядок» и со взведёнными, снятыми с предохранителей автоматами Крамера. Они приближались с явным намерением убить меня. Выражения лиц надзирателей не оставляли мне шансов выжить в этой передрыге.

И первым среди разгневанных охранников нёсся мой старый знакомый — Отстой. На его и без того свирепом лице застыла вовсе демоническая улыбка. В радость было Отстою убить

меня. Он хотел это сделать ещё тогда, в терминале. Хотел, но сдержался, рассчитывая продлить мои мучения. Но сейчас Отстой уже не мог перетерпеть всего, что я натворил.

Всё это я прочитал в бешеных глазах работаровца и приготовился достойно умереть. Умереть достойно тоже надо уметь.

Отстой, не добежав до меня нескольких метров, вскинул энергоавтомат. Прицелился, но не выстрелил.

Внезапно тень неизвестно откуда взявшегося валолета чёрной птицей накрыла нас. Отстой замер, потом посмотрел наверх и опустил автомат. Тёмно-красная сигара валолета великого господина Карнава медленно опускалась вниз на плато.

Я облегчённо перевёл дух. Я всё ещё был жив.

Глава 5

Грузная машина пассажирского валолета плавно приземлилась и неподвижно замерла на выпущенных стойках шасси.

Валолет, переливающийся всеми оттенками красного цвета, выделялся ярким пятном на сером изорениумном плато, словно дорогая и редкая роза Арпийских гор среди бескрайних и никому не нужных песков затерянной на окраинах Галактики планеты Полоз.

Валолет господина Карнава был не из дешёвых — последняя трёхтысячная модель «Фогеля». Наверняка ручной сборки, с дорогой внутренней отделкой, с антигравитационным двигателем повышенной мощности, с двумя запасными резервуарами для иреантных газов и улучшенной системой поддержания траектории полёта.

По всему видно: не жалел эрц-герцог средств для обеспечения комфорта и собственной безопасности.

Большой парадный люк валолета отошёл в сторону, и в проёме показались два стеротарга. Поводив датчиками по сторонам и убедившись, что всё в порядке и жизни их господина ничто не угрожает, они спрыгнули на землю. Отойдя на три метра от валолета и встав по разные стороны парадного люка, стеротарги заняли позицию охраны. Безостановочно вращая зрительными датчиками, они ловили малейший намёк на что-либо подозрительное. Их энергоружья находились в боевом положении, и, если бы у рухнувших на колени рабов или же у вытянувшихся по стойке «смирно» охранников с убранными за спину автоматами возникла вдруг мысль покуситься на жизнь великого господина — это стало бы последним желанием в их жизни. Не спасла бы полуброня охранников от залпа энергоружий повышенной мощности системы «Фрезер», что встроены в псевдоконечности стеротаргов. Ружей, слишком тяжёлых и громоздких для человека, но очень подходящих стеротаргу.

Стеротарг — это боевой робот-телохранитель. Робот личной охраны, вся хитроумная программа которого составлена таким образом, чтобы круглосуточно охранять жизнь хозяина. Такого робота трудно, практически невозможно уничтожить обычным стрелковым энергооружием. Да и, наверное, мало найдётся желающих потягаться с этой адской машиной. При взгляде на массивные, сделанные из чёрного высокопрочного флага конечности этого двухметрового громилы как-то сразу пропадало всякое желание связываться с ним.

Следом за первыми двумя стеротаргами в проёме выходного люка показался ещё один робот-телохранитель. Он внимательно, словно перепроверяя первых двух, осмотрел окрестности валолета и, не найдя ничего, указывающего на прямую опасность жизни его господина, спрыгнул на плато. Отойдя от летательного аппарата на несколько метров и приблизившись своей плавной раскачивающейся походкой к группе охранников во главе с Отстоем, встал спиной к ним.

Внимательно следя за тем, что происходит с другой стороны валолета, стеротарг отдал беззвучную команду, и сразу же следом за этим опустилась выдвижная лестница.

Лестница, вытянувшись красной лентой из парадного люка валолета, плавно коснулась плато, и в проёме люка показался его Высочество эрц-герцог Пандерлийский, великий господин Карнава. За его спиной стоял ещё один стеротарг; личный, который всюду, даже в сортире, следовал за своим хозяином.

Эрц-герцог был великолепен. В красном тонкого шарлейского бархата костюме, в сапогах с высокими каблуками из мангерунской кожи и в перчатках из карлагского шёлка.

Замысловатые геральдические фигуры, вышитые на широких, стянутых у запястий рукавах и коротких панталонах, выдавали в Карнава особу голубой крови. Небольшой ярко-лиловый беретик с фамильным гербом украшал голову потомственного дворянина. Надменный

взгляд из-под длинных женственных ресниц говорил: «Низкие создания. Я вам не ровня. Во мне течёт кровь тридцати предков королевской династии. Я — избранный».

Об этом же поведали спустившиеся сразу следом за рабовладельцем два высоких темнокожих раба. Личные рабы господина Карнава спустились с лестницы и во всеуслышание громкими хвалебными голосами возвестили миру, что собой представляет их господин.

Первый раб не переставал выкрикивать возгласы вроде: «Великий господин Карнава — солнце на земле, светоч во тьме, опора и надежда Пандерлоноса...» Второй перечислял титулы и регалии высокопоставленной особы: «Приближённый второй ступени его Величества короля Пандерлоносского Людвига Сорок Восьмого, старший церемониймейстер двора его Величества, полный кавалер орденов Золотой Десницы, полноправный господин Союза Владельцев, хозяин пятнадцати поместий...»

Все рабы, коленопреклонённые вокруг валолета, не смели поднять взор. Охранники стояли вытянувшись и почтительно внимали хвалебным речам и перечислению званий и регалий своего хозяина.

Сам же «светоч во тьме» не торопясь спустился с трапа и недовольно осмотрелся. Его холодный взгляд заскользил по плато, перескакивая с одной группы рабов на другую. Чуть задержался на гряде искалеченных чернорубашечников, потом переметнулся на старшего охранника — Отстоя. Рука Карнава произвольно потянулась к болтавшемуся у него на боку большому плоскому, покрытому позолотой палашу. В глазах эрц-герцога вспыхнула искра гнева. Малиновый стеротарг за спиной хозяина насторожился; казалось, сейчас разразится гроза. Отстой, предчувствуя неприятности, неподвижно замер, словно иканейский кролик перед удавом Агра.

Но ничего не произошло. Эрц-герцог перевёл взгляд на меня, и его аристократическое, холёное лицо расплылось в улыбке.

Я — единственный из рабов — остался стоять: не упал на колени, а спокойно смотрел прямо в глаза Карнава. Но эта моя непокорность, казалось, нисколько не возмутила эрц-герцога; наоборот, он остался очень доволен мною. Тем, как я перед ним, перед великим господином, солнцем на земле и всё такое прочее, вольнодумно стою. В моём взгляде читалось, что мне глубоко наплевать на то, какой Карнава «светоч во тьме» и скольких орденов он кавалер, но это нисколько не возмущало рабовладельца. Я не понимал, в чём дело, но вёл себя так, как вёл бы себя на моём месте любой космодесантник; хоть я и находился сейчас в чужой власти — я оставался свободным человеком. Свобода — это состояние души, и никто не в силах её у нас отнять. В конце концов, выбор есть всегда, хотя бы выбор между жизнью и смертью.

Но сейчас смерть мне не грозила. Этой опасности подвергнулся Отстой в гораздо большей степени, чем я.

Осмотрев меня с головы до ног — крепкие мускулы, плоский живот, ни единого грамма жира, — и явно удовлетворённый осмотром, Карнава вновь обратил свой взгляд на Отстоя.

— Что я вижу? — спросил «солнце на земле» старшего охранника. — Так-то ты бережно и разумно приумножаешь наше богатство, старший охранник Агрей?

Отстой, боясь неверным ответом, не к месту сказанным словом разгневать господина, подавленно молчал. Молчал не только он. Все охранники, потупив взор, затаили дыхание, словно воды в рот набрали.

— Напоминаю тебе, пока ещё старший охранник, что в твои обязанности входит выявление среди рабов способных, — ровным, без гневных интонаций голосом, голосом, предвещающим бурю, проговорил Карнава. — Способных к механическим и инженерным наукам. И особенно способных бойцов. Ты прекрасно знаешь, Агрей, что хороший боец стоит тысячи этих свиней. Знаешь, и тем не менее я вижу, что ты намеревался уничтожить этого великолепного бойца, лишив тем самым меня целого состояния.

— Господин, я... — начал оправдываться дрожащим голосом Отстой, но Карнава перебил его.

Всё таким же ровным, тихим, без гневных интонаций голосом он произнёс:

— Я понимаю твоё возмущение, Агрей. Этот боец перекалечил и убил много моих рабов, но ты на то и поставлен старшим охранником, чтобы выявлять таких феноменальных бойцов. А выявив, отправлять их в школу гладиаторов, где они с большей отдачей смогут проявить свои способности на наше благо.

— Но великий господин, — вновь начал оправдываться Отстой, — этот раб лишь вчера поступил в ваше распоряжение, и я ещё не успел как следует к нему присмотреться.

— Поступил после того, как, парализованный парраллоидным полем, голыми руками убил контрабандиста вдвое крупнее себя, искалечив при этом ещё одного. Про выбитые зубы и переломанные кости охранников можно после этого и не упоминать, — словно читая нотацию, всё тем же ровным голосом продолжил за Отстоя Карнава.

Старший охранник, удивлённый осведомлённостью хозяина, стоял словно громом поражённый. На его всегда свирепом лице застыла такая маска удивления, такое беспомощное выражение, что мне на секунду даже стало жаль Отстоя.

Довольный произведённым эффектом, Карнава решил в этот раз не казнить; великий эрц-герцог решил миловать. Ещё раз осмотрев склонившихся беззвучных рабов, преданно уставившихся на него охранников, внимательно следящих за обстановкой стеротаргов и меня, по-прежнему спокойно стоявшего перед ним, рабовладелец решил удалиться. Повернувшись спиной к Отстою, он направился к валолету и уже на ходу чуть слышно бросил: «Всё исправить».

Темнокожие рабы последовали за своим господином, удалившись в отверстие люка. Стеротарги в последний раз осмотрели окрестности и тоже погрузились в валолет. Последним по лестнице вбежал малиновый робот. Он ещё раз быстро оглядел плато и заскочил в валолет. Поднялась выдвижная лестница, захлопнулся парадный люк. Аппарат, плавно поднявшись на несколько метров от земли, втянул в сигарообразное брюхо телескопические ноги-шасси и, стремительно удаляясь, резко взмыл вверх. Быстро набирая скорость, он помчался на юг. В сторону гор.

Спустя секунду в небе виднелась едва различимая точка, и лишь тогда все облегчённо перевели дух.

Отстой, переведя дыхание, ничего не сказал и, махнув рукой, пошёл к подвесному мосту. Остальные трое охранников, расслабившись, взяли автоматы на изготовку; на лицах надзирателей появились улыбки — легко отделались, получив за такую заварушку лишь небольшой выговор.

Один из них подошёл ко мне и, достав пульт управления энергонаручников, активировал их. Тотчас мои запястья с характерным металлическим щелчком сомкнулись. Надзиратель посмотрел на мои ноги и, оглядев порядком израненное тело, решил их не сковывать.

— Пошли, боец. С этого момента ты переведён в гладиаторы.

Я молча последовал за надзирателем, двинувшимся к выдвижному мосту. Остальные двое охранников пошли за нами, изредка бросая взгляды по сторонам.

Идти было необычайно трудно; горячка боя прошла, тело заныло от многочисленных ран. Правая нога, раненая киркой «опытного», посылала сигнал боли каждый раз, когда я на неё наступал. Жар солнца Голосе достиг апогея. То ли от жары, то ли от наступившей слабости я весь покрылся неприятным липким потом. Голова страшно болела после удара куском руды. Я плохо соображал, что делаю, куда меня ведут, мечтая лишь о том, чтобы упасть и забыться в глубоком сне. В приятном, прохладном сне.

— Джаггер, Джаггер-чемпион, — услышал я голос Молкома и, с трудом сфокусировав взгляд, посмотрел в сторону.

Молком, расталкивая других рабов, пробирался ко мне. За ним следовал старик-варнавалиец.

Я остановился, поджидая своих друзей. Охранники тоже остановились, не делая попыток поторопить меня. То ли я внушал им такое уважение, то ли страх перед господином Карнава всё ещё не выветрился из них, но надзиратели покорно дожидались, когда я соизволю идти дальше.

— Я пришёл попрощаться с тобой, Джаггер, — сказал запыхавшийся парнишка, пробившись к нам. — Ты настоящий чемпион. Непобеждённый и непобедимый.

— До свидания, Молком, — с трудом ответил я. — Надейся на лучшее, и оно придёт.

— Харламаар, Тутанканара, — проговорил добравшийся до меня следом за парнишкой Хара. — Прощай навсегда, тот, кого остановить невозможно.

— До свидания, Хара, — ответил я старику. — Ещё увидимся.

— Держись, Джаггер, — услышал я знакомый голос и взглянул в лицо старшине «механиков», чья рыжая шевелюра появилась рядом с Молкомом и Харой. — Держись, Джаггер, и помни: один тоже бывает в поле воин.

— Старшина, присмотри, пожалуйста, за стариком и парнишкой... Пока я не вернусь.

Конрад Тройский утвердительно махнул головой и твёрдо заверил:

— Не беспокойся, Джаггер-чемпион. Они под надёжной защитой «механиков».

Услышав последние слова старшины, я собрал остатки сил и продолжил путь к подвесному мосту.

Путь в школу гладиаторов.

Но в школу гладиаторов я попал не сразу. Далеко не сразу.

У меня хватило сил на то, чтобы проковылять по подвесному мосту. Я даже смог проползти по туннелю, соединяющему подъёмник с изорениумной усадьбой. Но едва я, обессиленный, свалился на пол вагона для рабов, единственным пассажиром которого являлся, силы покинули меня. Я забылся в глубоком сне прямо на дощатом полу рабского вагона.

Основательно я выключился. Так основательно, что не помнил происходившее дальше. Не помнил, как трясся в неудобном моновагоне, как потом меня бесчувственного тащили в лазарет и как укладывали на лечебный стол.

Пришёл я в себя внезапно от резкой боли в раненом бедре. Надо мной склонился трасм — человекоподобный с планеты Трёх Маем. В том, что это был именно трасм, я не сомневался. Как-то я больше месяца проторчал на этой небольшой планетке и успел неплохо изучить нравы её жителей. Хотя и отличающиеся от людей, трасмы в общем-то были почти как люди. Те же две руки и две ноги, с пятью пальцами на каждой. Рост примерно человеческий, и сложение схожее. Вот только голова, непропорционально большая, непохожая на человеческую, она напоминала скорее дыню, нежели человеческий череп. Имея объём мозга вдвое больше, чем у человека, голова трасмов и являлась их отличительным признаком, точнее, не сама голова, а то, как трасмы пользовались своим повышенным интеллектом.

В том, что трасмы были гораздо умнее людей, не было никакого сомнения. Вдвое больший объём мозга давал о себе знать. Соображали они лучше любого человека и достигали высот в науках тоже быстрее людей, поэтому интеллект трасмов ценился везде. Тысячи известных учёных, врачей, политиков являлись трасмами. Жители этой небольшой планеты занимали многие ключевые посты в Галактической Федерации. И ещё одна особенность, кроме объёма мозга, отличала трасмов от людей: жители планеты Трёх Маем были абсолютно неагрессивны. По своей природе мирные вегетарианцы, они никогда не проявляли агрессию, свойственную человеческой расе. Если бы не высокий интеллект этих существ, им пришлось бы туго; вряд ли они выжили бы среди более агрессивных разумных существ. Но благодаря высокому интеллекту трасмы заняли свою нишу в Галактике.

Неудивительно, что этот трасм оказался доктором в лазарете для рабов. В медицине трасмы достигли особого совершенства, подарив Галактике целую плеяду известных имён. И неудивительно, что на нём не было энергонаручников; причинить вред, убить другое существо трасм не мог в принципе.

Был ли трасм, так заинтересованно разглядывавший меня, одним из великих медиков Галактики, я не знал, но то, что он являлся профессионалом своего дела, не вызывало сомнений.

Конечно, если бы я попал не в этот рабский лазарет, а в автоматическую больницу на один из десантных кораблей космофлота Федерации, не потребовалось бы всё то умение, которое прилагал сейчас трасм, чтобы исцелить моё израненное тело. Несколько минут нужно было бы кибердокторам автоматической больницы, чтобы заштопать меня и, выздоровевшего, полного сил, вернуть в строй. И всё это сделалось бы так, что я бы даже и не заметил, как меня вылечили. Просто очнулся здоровым — и всё. Да что там мои ранения! Стационарная автоматическая больница способна вытащить человека с того света при условии, что хотя бы двадцать процентов его жизненно важных органов не пострадало. Такая больница буквально способна воскресить умершего.

Но столь дорогостоящего оборудования великий господин Карнава, конечно же, для своих рабов не держал. Он обходился услугами одного трасма. Что тоже, кстати, очень неплохо. И очень дёшево. Трасм, судя по ошейнику, тоже был рабом великого господина.

— Ну, как себя чувствует наш клиент? — проговорил он на линке, хоть и правильно выговаривая слова, всё же неуловимым образом окрашивая их каким-то прямо-таки кошачьим мурлыканьем.

— Терпимо, — коротко ответил я, морщась от боли в ноге.

— Нога беспокоит? — вновь промурлыкал трасм. — Сейчас сделаем анестезию, чуть-чуть подправим — и ваша нога будет совсем как новенькая.

Трасм тут же вкатил мне несколько кубиков парамала, и боль мгновенно отпустила меня. Заметив, что пациенту полегчало, доктор универсальным медицинским сканером стал проверять параметры моего организма, не переставая при этом рассказывать о том, что он успел подлечить в моём израненном теле, пока я валялся без сознания. Рассказал он о том, как искусно зашил разорванное правое бедро. Зашил так, что сейчас вместо ужасной рваной раны виднелся лишь небольшой розовый рубчик. Трасм пояснил также, как заштопал мелкими, едва видимыми швами изрезанную спину и как восстановил повреждённые нервы в разорванном плече.

В общем, хорошо постарался умелый доктор, капитально меня подлечив. Даже о моей шальной головушке позаботился; пелена красного тумана уже не застилала мои глаза. Я всё видел резко и отчётливо. Боль совершенно прошла.

Сняв параметры организма универсальным медицинским сканером и изучив выходные данные, трасм остался доволен.

— У нашего клиента чудный, просто великолепный организм, — промурлыкал он. — Те мелкие ранения, что мы подлечили, никак ему не повредили.

Трасм не лукавил, чувствовал я себя намного лучше. Лежа в ванне с биофизическим раствором, по-настоящему отдыхал впервые за последние сутки. Расслабившись в тёплой приятно обволакивающей тело жидкости, закрыв глаза, я думал, и думы мои были об одном. О Майе. Я по-прежнему ничего не знал о девушке, даже примерно не представляя, где она могла находиться сейчас. А это очень плохо; надо любой ценой выяснить, куда попала Майя. Как минимум, хотя бы узнать: на Пандерлоносе или нет. Вероятность того, что Майя сейчас находится в женском бараке господина Карнава, очень высока. Времени с нашего пленения прошло совсем немного, и если она, так же как я, попала в лапы эрц-герцога, то девушка скорее всего именно там.

«Если попала в лапы Карнава», — вновь подумал я, вспомнив сальное выражение лица Крота.

Вдруг у меня мелькнула спасительная мысль: «Трасм! Он же доктор — лечащий врач рабов. Он вполне может что-нибудь знать о женском бараке».

— Аур кур ма лахао? — спросил я повернувшегося ко мне спиной доктора на его кошачьем языке. И тут же перевёл на линке: — Доктор, а женщины в этом заведении имеются?

Польщённый тем, что к нему обращаются на его родном языке, доктор повернулся ко мне и, отвлёкшись от дезинфицирования медицинских инструментов, приветливо воскликнул:

— Я вижу — наш клиент совсем выздоровел! Если его уже интересуют женщины, значит, он вполне здоров. А женщины здесь есть. Целый барак. Все они особи людского рода. Некоторые из них очень даже неплохие экземпляры, с красивыми телами. Например, вчера осматривали мы одну женщину, недавно прибывшую в барак, и остались весьма довольны осмотром. Прямо скажем, нам попался великолепный экземпляр человеческой особи женского рода.

Я внутренне сжался и, не показывая вида, что меня заинтересовали последние высказывания трасма, спросил:

— Наверное, блондинка? С голубыми глазами? Обожаю блондинок! — голосом прирождённого ловеласа продолжил я за трасмом: — Стройная и гибкая, как лань. С телом, словно высеченным из мрамора.

— Точно! Беловолосая, с голубыми, как нанарейская ночь, глазами. С идеальным лицом и телом, — подтвердил трасм и тут же поправился: — С точки зрения людей, идеальным лицом.

Отказываясь верить в такую удачу, в то, что описанная трасмом женщина — Майя, я затаив дыхание вновь спросил:

— А что, этих женщин можно увидеть? Или рабам это недоступно?

— Простым рабам нет, — ответил доктор, набирая лекарство в пневмошприц. — Но гладиаторам, особо отличившимся бойцам, иногда позволяют видаться с женщинами.

Я ещё хотел что-то спросить у моего доктора, но не успел. Трасм ловким движением сделал мне инъекцию сильнодействующего снотворного. Глаза сами собой закрылись, я стал проваливаться в глубокий живительный сон.

«Пусть наш клиент поспит, — засыпая, услышал я последние слова трасма, — сон сейчас для него лучшее лекарство».

«Лучшее лекарство — это то, что у меня появилась пусть крохотная, но всё же надежда, что я найду Майю. Мою любимую Майю», — мелькнула последняя мысль, и я уснул.

Глава 6

Школа гладиаторов великого господина Карнава встретила меня недружелюбно.

Проснувшись отдохнувшим, полным сил и выбравшись из ванны с биофизическим рас-твором, я получил у доктора комплект одежды — короткие шорты, футболку и удобные спор-тивные туфли. Вся форма была зелёного цвета — цвета спелой вишни Агра. На футболке виднелась эмблема школы — Галактика, перечёркнутая молнией. Одежда из прочного пласто-материала пришлась впору. Я, быстро переодевшись и поблагодарив доктора, покинул лазарет.

Трасм кнопкой у двери вызвал надзирателей, и меня, со скованными руками, повели в школу гладиаторов. Конвоируемый двумя вооружёнными охранниками, я, пройдя множество подземных коридоров и несколько раз спустившись и поднявшись по крутым лестницам, нако-нец был доставлен в известную школу бойцов великого господина Карнава.

Проведя сквозь пять решетчатых дверей и выдав комплект постельного белья, надзи-ратели впихнули меня в просторное помещение школы. Энергонаручники на запястьях разо-мкнулись, и я, сунув под мышку выданные постельные принадлежности, пошёл отыскивать свободную кровать.

Школа представляла собой просторный, правильной круглой формы спортивный зал. В центре зала размещались многочисленные тренажёры и имелась небольшая, огороженная канатами площадка для спарринга. Вся площадь школы делилась на четыре сектора: красный, коричневый, зелёный и чёрный. В чёрном секторе располагались санузел и столовая гладиато-ров. Остальные секторы были спальными. Аккуратно расставленные двухъярусные кровати и ровно расположенные тумбочки указывали на армейский порядок, царивший в школе. Мусор на полу не валялся, кровати ровно заправлены, никто так просто не шатается по школе: все заняты делом.

Большинство гладиаторов занимались на тренажёрах. Нагружая мощные мускулы, изну-ряя себя тренировками, они старались развить в себе больше силы, больше ловкости. И вовсе не для того, чтобы иметь красивые рельефные тела, а для того, чтобы выжить в смертельной схватке на арене гладиаторского цирка.

Я, засмотревшись на тренированные тела атлетов, на прекрасные тренажёры, забрёл в красный сектор школы. Увидев свободную кровать на нижнем ярусе, беспечно направился к ней.

Я ещё не знал, что школа разбита на цветные сектора не просто так и что в этом имеется определённый смысл и порядок. В красном секторе располагались самые опытные и сильные бойцы. Кровати, одеяла на этих кроватях и вся одежда этих бойцов были ярко-красного цвета. Выжившие во многих смертельных схватках на аренах гладиаторских боев, они имели некото-рые преимущества в школе. Например, первыми шли обедать в столовую и первыми отпра-влялись на отдых; одним словом, «старики».

В коричневом секторе располагались «махалы». Это те, кто ещё был не настолько искусен в бою, как красные, но уже вышел из разряда зелёных — «салаг».

Субординация в школе гладиаторов соблюдалась строго. Нижестоящие бойцы без особой необходимости не пересекали границ вышестоящих секторов. Тем более не располагались на кроватях в секторах более опытных бойцов.

Я не знал об этом и в зелёной форме «салаги» направился к свободной кровати в крас-ном секторе. Не обращая внимания на двинувшегося навстречу высокого с длинными, словно грабли, руками бойца в красной одежде, я, занятый собственными мыслями, собрался устро-иться на свободной кровати, как тут же получил удар в голову. Бил тот самый длиннорукий боец. Удар пришёлся некстати, и всё моё постельное белье полетело на пол. Я же, полуоглу-щённый внезапным нападением, пошатнулся и сделал несколько неверных шагов назад.

Несмотря на то, что удар я пропустил отменный и досталось мне прилично, я не растерялся, и, едва мой противник вновь попытался достать меня длинными и сильными, словно сделанными из стали руками, я был уже наготове. Перехватив правую руку резвого бойца, нацеленную в мой корпус, я одним резким захват-ударом «ток» перерубил её. И пока рука гладиатора падала бессильной плетью, а сам он, ничего не понимая, провожал недоумённым взглядом искалеченную конечность, добил его коротким, но очень эффективным в ближнем бою рубящим ударом ноги. Коленная чашечка моего противника с громким хрустом треснула, и он как подрубленный свалился на пол.

Я же, прекрасно понимая, что моя выходка вряд ли останется безнаказанной, отступил назад и встал в боевую стойку. Быстро оглянувшись и не заметив за спиной ничего, кроме кроватей, я приготовился отражать новую атаку. То, что на этот раз мне придётся гораздо трудней, чем раньше, сомневаться не приходилось. Всё же гладиаторы — это не какие-нибудь «опытные»; они-то уж точно умеют профессионально драться.

Но атаки не последовало. Когда ко мне сбегался почти весь красный сектор — всего около пятидесяти человек, — когда, казалось, что разъярённые «старики» сейчас набросятся и разорвут меня на части, вдруг прозвучала громкая команда: «Стоять!»

Человек, произнёсший это, видимо, пользовался беспрекословным авторитетом. Стоило ему выкрикнуть приказ, как весь пыл мигом спал с разгорячённых бойцов. Они разочарованно остановились, так и не набросившись на меня.

Сквозь обступившую толпу пробился небольшого роста, но мощный, как тектотанк, с вздутыми от бесчисленных тренировок мускулами и от этого весь какой-то квадратный человек. На руке у него виднелась повязка с надписью: «Старшина школы гладиаторов».

Пробившись, словно торпеда, сквозь обступивших меня гладиаторов, старшина вновь прикрикнул: «Стоять, бойцы!» Разочарованно поглядев на валяющегося без сознания длинного, он воскликнул:

— Пустота господня! Вам что, делать нечего, бойцы? Нечем заняться?

Гладиаторы словно пришибленные подавленно молчали. Наконец, один из них, здоровенный с красноватым цветом кожи тарнеец, сказал:

— Старшина, этот зелёный искалечил Мельника перед самым боем. Да и вообще не место «салагам» среди «стариков». Надо бы наказать его, пусть не дёргается на старших и уважает законы школы.

— Плевал я на ваши законы, — грубо проговорил я. — С высокой колокольни. Не успел зайти, уже получил в морду. А на удар я всегда отвечаю двумя ударами.

— Да кто ты такой? — закипятился тарнеец. — Уложил перед важным боем лучшего бойца школы, и плевать ему на всё?!

— Леон Джаггер — чемпион Джагии по диоке. Трёхкратный и так и не побеждённый, — ответил за меня старшина школы. — Варнавалийцы зовут его ещё Тутанканара — тот, кого остановить невозможно.

— А некоторые зовут меня Костоломом, — вставил я слово в лестную речь старшины. — Ты запомнил, краснокожий?

Тарнеец ничего не ответил, лишь махнул рукой: «Делайте что хотите». Остальные бойцы, по-видимому, решили так же, и толпа, окружавшая нас, постепенно рассосалась.

Облегчённо вздохнув, я подобрал упавшее постельное бельё. Мельник к тому времени очнулся и удивлённо уставился на меня. Он никак не мог понять, как его — самого лучшего и опытного бойца школы — мог уложить какой-то зелёный.

Так и не осознавшего, что же произошло, Мельника погрузили на принесённые носилки и отправили в лазарет. На излечение к трасму.

— Ну, что ж. Если ты, Джаггер, уложил Мельника — лучшего бойца школы перед ответственным боем в Пандерлийсе, то остаётся лишь поставить тебя на его место, — сказал старшина, проводив взглядом носилки с покалеченным бойцом.

— Вполне справедливо, — заметил я.

— Драться ты умеешь, — продолжил старшина. — Драться в лагах научишься по ходу поединка. А если не научишься... То уж не обессудь. Ты мне не оставляешь выбора.

— Не переживай, старшина, научусь. Я способный. Только покажи мне эти самые лаги.

— Покажу, покажу. Сразу после ужина и покажу. А пока иди располагайся в зелёном секторе, — ответил старшина и тут же, махнув рукой, поправил себя: — Пустота с тобой, в каком хочешь секторе располагайся.

Поблагодарив старшину за оказанное доверие, я решил не гневить остальных бойцов и направился в положенный мне как новичку зелёный сектор. Свободных кроватей там имелось множество, и я расположился на одной из них. Аккуратно, по-армейски, заправил постель, положил в тумбочку пакет с санпринадлежностями.

В этот момент прозвучала команда: «Зелёные, ужинать!», и весь наш сектор потянулся в столовую. Услышав об ужине, я вспомнил, что уже давно не получал никакой пищи, и поэтому вместе с такими же зелёными заспешил к столовой.

Кормили гладиаторов неплохо, точнее, очень даже хорошо кормили. Вся пища была натуральной, без намёка на синтетику: много зелени, много мяса. В основном высококалорийная, без лишних жиров и углеводов еда. Порции большие, соответственно богатырскому сложению бойцов. Еды давали вдоволь, но никто не объедался. Всё было продумано, всё в меру. Действительно, великий эрц-герцог заботился о своих гладиаторах, как заботится о бойцовых собаках зверобой и их тренер-разводчик. Радовался, наверное, так же, видя победы своих бойцов, как радуется разводчик, когда его подопечные загрызают менее удачливых зверюг других собаководов. Даже, наверное, горевал великий Карнава, когда гладиаторы гибли на аренах, как горюет зверобой, видя растерзанное тело выращенной им собаки.

Наелся я вдоволь, какая уж тут мера. Не знаю, сколько я провалился в биорастворе, наверное, не меньше суток, — но аппетит у меня был такой, словно я не ел как минимум неделю. Выздоровливающий и хорошо отдохнувший организм требовал калорий, и я не скупился на их потребление.

Наконец, почувствовав, что просто не в состоянии продолжать пиршество, я, откинувшись на спинку скамейки, стоявшей у длинного стола, огляделся по сторонам.

Как я его сразу не заметил? Наверное, так хотел есть, что не видел перед собой ничего. А не заметить этого поджарого, с хищным взглядом стальных серых глаз человека было трудно. Среди гладиаторов он выделялся особой прямой осанкой армейского офицера. И в этом не было никакого сомнения. За семь лет, что отпахал в космодесанте, я научился отличать кадровых военных от сухопутной публики.

Это был тот самый незнакомец, которого я заметил ещё в терминале контрабандистов. Тот самый, что стремился, как и мы с Майей, попасть на Землю как можно быстрее и в обход законов. За это и поплатился. Как, впрочем, и мы с Майей. И теперь его так же, как нас, ожидает пожизненное рабство у великого господина Карнава. Впрочем, «пожизненное» — это громко сказано: всем известно — гладиаторы долго не живут, и продолжительная старость им не грозит. Да, какая там старость! Пережить бы завтрашний бой в Пандерлийсе — и то уже было бы неплохое начало карьеры бойца насмерть.

Встретившись со взглядом хищных глаз незнакомца, который был в такой же зелёной форме, я едва заметно кивнул ему как старому знакомому. Он, секунду поколебавшись, ответил. Узнал.

Я хотел подойти к товарищу по несчастью, чтобы расспросить, что ему известно о нашем пленении, но не успел. Тяжёлая рука старшины, которого, как я понял из разговоров бойцов, все звали Квадрат, легла на моё плечо.

— Пойдём, Джаггер-чемпион, познакомись с лагами.

Я молча встал и последовал за старшиной.

Всё-таки обжираться никогда не стоит. Даже когда ты очень голоден. Даже когда не ел целую неделю.

Я пожалел о своём обжорстве, едва мы со старшиной пробрались в квадрат ринга. Едва оказавшись в месте проведения поединков, я собрал волю в кулак и постарался сосредоточиться, чтобы сбросить сонливое состояние, неизменно наступающее после приёма пищи. С трудом, но мне это удалось.

Большинство гладиаторов отдыхали после сытного ужина; на тренажёрах почти никто не занимался. Десяток-другой бойцов наблюдали за тем, как я неуклюже цеплял на себя лаги.

Страшная штука — эти лаги, и очень опасная в руках профессионала. Точнее сказать — опасная на теле хорошего бойца. Ручные лаги представляют собой металлические рукавицы со сплошным, выступающим на несколько сантиметров острым, словно лезвие бритвы, ножом. Один хороший удар в шею противника такой штуковиной — и голова того отлетает, словно срубленная мачете занкарайская дыня. Ножные лаги представляют не менее грозное оружие. Кроме острых лезвий-краёв, они имеют также и продольные по центру стального ботинка ножи. На носке и пятке ножных лаг имеются острые шипы, которые также расположены на наколенниках и локотниках. Бёдра и руки до локтей гладиаторов прикрыты широкими стальными полосами, стянутыми ремнями из кожи. Полосы эти предназначены для блокировки ударов. Широкий пояс и шлем с острым наконечником завершают костюм бойца насмерть.

Когда я напялил всё это на себя, мне на секунду стало страшно. Одно неосторожное движение, неверный шаг — и острое лезвие собственных же лаг отрубит тебе какую-нибудь конечность.

Осторожно ступая, стараясь не порезаться, я вышел в центр ринга. Квадрат уже поджидал меня. Он был в прочном, скрывающем тело с головы до ног костюме спарринг-тренера и шлеме с забралом. Костюм старшины, сотканный из множества стальных колец, невозможно было пробить острыми лагами. Кроме кольчуги, на руках и ногах Квадрата были нацеплены тренировочные лаги из прочного дерева. Бёдра и руки моего тренера были тоже защищены стальными полосами.

Подойдя поближе, Квадрат без общепринятого во всех боевых единоборствах приветствия, без единого намёка на атаку неожиданно ударил правой рукой.

Я с трудом парировал его стремительный выпад, ответив ударом на удар. Сначала одной ногой, потом в замысловатом прыжке другой. Ещё не успев как следует приземлиться, я обрушил на старшину целую серию ударов руками. Комбинируя прямые и боковые удары, я заставил тем самым Квадрата немного отступить. Ошеломлённый моей атакой, он с трудом отбил нападение и тут же допустил ошибку. Поставил правую ногу не так, как следовало, он на долю секунды потерял равновесие. Но этого мгновения было более чем достаточно для опытного бойца, к каковым я себя причислял. Меня уже охватил азарт боя, и, резко развернувшись, я ударил старшину ногой. Действуя инстинктивно, без подготовки, я нанёс ему сильнейший удар лагой прямо в грудную клетку. Квадрат не успел среагировать на атаку и, беспомощно взмахнув руками, отлетел к противоположному концу ринга. Спружинив о канат, он тут же встал в боевую стойку. По выражению лица старшины было заметно, что он слегка ошеломлён моим натиском; не ожидал Квадрат такой прыти от новичка, впервые примерившего смертельные лаги.

Чувствуя, что продолжения поединка не будет, я позволил себе немного расслабиться. После столь энергичных действий мне срочно захотелось выбраться из квадрата ринга. В животе всё бурлило; обильный ужин давал о себе знать.

Заметив, что старшина стягивает с себя тренировочный костюм, я тоже принялся избавляться от тяжёлых и крайне опасных лаг.

Кровь брызнула красной струйкой, когда я случайно задел бедро ручной лагой. Быстро сбросив латы и прижав рану рукой, я дождался остановки кровотечения. Спустя несколько секунд вживлённые в моё тело биостимуляторы сделали своё дело, и на месте ранки виднелся лишь розовый шрам. С небольшими ранениями биостимуляторы справлялись прекрасно. Ещё раз отметив про себя, что нужно быть крайне осторожным с лагами, я откликнулся на слова старшины.

— Ничего, это не страшно, — проговорил он, подходя ко мне. — Некоторые с не привычки поначалу себе руки отрубают. Бывает тогда работа старине Хамсу. Я сам не раз калечился, пока припробовался к этим ножам.

— Да, острые ножички, — согласился я, полностью избавившись от облачения гладиатора. И тут же спросил старшину: — Ну как, готов я к бою?

— Вполне, — ответил Квадрат. — Только небольшой совет: в следующий раз бей противника не ступнёй, а ножами, чтобы он уже никогда не смог встать. Как видишь, после твоего завершающего удара я быстро оправился и вновь был готов к бою. Чего не случилось бы, ударь ты ножами или шипами.

— Старшина, в следующий раз, в реальном поединке я так и сделаю. Просто твоя кольчуга мне не показалась достаточно прочной, и я решил не рисковать. Мало ли как бывает, вот я и ударил тебя послабее. Хотя, постарайся я хорошенько, тебе, старшина, хватило бы и этого. И кольчуга бы не спасла.

Старшина ничего не сказал в ответ, лишь озадаченно посмотрел на меня. Шучу я, что ли? Не заметив на моём лице и намёка на иронию, он махнул рукой. Тренировка закончена.

Я, осторожно взяв лаги, отнёс их в каптёрку и сдал седовласому уже в приличных годах бойцу. Каптёрщик, приняв оружие, взглянул на удалившегося от ринга Квадрата и проронил:

— Старееет Квадрат. Слабеет. От какого-то новичка взбучку получил. Такого раньше не бывало.

— Я не какой-то, — поправил я старика. — А Леон Джаггер — чемпион Джагии.

Каптёрщик удивлённо посмотрел на меня и, ничего не сказав в ответ, молча убрал лаги.

Я же направился туда, куда меня давно уже звал мой организм.

Выйдя из туалета, я услышал прокатившийся по всей школе приказ старшины: «Отбой, бойцы» и, недолго думая, пробрался до своей кровати.

Уже засыпая, я заметил, что расположился неподалёку от незнакомца, который тоже намеревался попасть на Землю. От того самого, с хищным взглядом и выправкой армейского офицера. Подумав напоследок, что неплохо было бы порасспросить, что он знает о нашем пленении, я наконец уснул.

Глава 7

Пандерлийс — фамильный замок рода Карнава — встретил нас праздничным шумом. Гвалтом разношёрстной публики, весёлыми криками. Сегодня шестая лунная декада триад. Сегодня исполняется девятьсот девять лет с тех пор, как Мегро фон Карнава основал здесь на пандерлоносских камнях замок Пандерлийс. И по этому поводу сегодня проводятся ежегодные празднества в фамильном гнезде одного из древнейших родов Пандерлоноса. Проводятся знаменитые и ставшие традиционными гладиаторские бои. Бои насмерть.

На праздничные бои из гладиаторской школы великого господина Карнава отобрали сорок пять бойцов. Сорок пять крепких, здоровых парней. Парней, многие из которых сегодня умрут на потеху публике. С прошлых Пандерлийских боев из пятидесяти гладиаторов живыми в школу вернулись лишь пятнадцать. Многие с жестокими ранами и отрубленными конечностями. Неудачными оказались прошлые бои для эрц-герцога Карнава. Кучу денег потерял в прошлый раз владелец Пандерлийского замка. В этот раз он решил не ударить в грязь лицом и во что бы то ни стало вернуть потерянные миллионы. Именно миллионы. Суммы ставок на Пандерлийских боях достигали шестизначных цифр, в то время как даже за самого лучшего бойца никто не давал больше тридцати тысяч.

На знаменитые бои слеталась вся элита Пандерлоноса, вся знать этой мрачной планеты. В основном крупные рабовладельцы, имеющие обширные изорениумные рудники. Богатые люди. Попадалась публика и калибром помельче. Жёны банкиров, сорящие деньгами своих муженьков налево и направо. Разбогатевшие на военных поставках владельцы автоматических заводов по производству оружия. Наконец, военные — офицеры армии его Величества Людвига Сорок Восьмого.

Нашу школу выставили против знаменитейшего на всю Галактику гладиаторского цирка Таранта. Который, в свою очередь, принадлежал одному из самых богатых людей Пандерлоноса, известному рабовладельцу Тору Квандерлонскому. Больше известному как Тор Кровопийца. Прозванному так за его кровожадный нрав.

Трудно будет великому господину Карнава не ударить в грязь лицом на этих боях. И хоть выставил он лучших бойцов школы, нелегко придётся на этих боях его гладиаторам. Потому как цирк Таранта до сих пор ещё не знал поражения. Бойцы Таранта побеждали всегда. Непобедимые были бойцы в цирке Таранта. Но тем почётней лавры достанутся тем, кто когда-нибудь победит их. Тем больше денег заработает тот, кто поставит против них.

Всего было заявлено двадцать поединков. Две пятёрки — то есть два боя с пятью бойцами против пяти. Пять троек, семь двоек и шесть одиночных поединков. Наиболее зрелищными, с наибольшими ставками, были бои с большим количеством бойцов. Пятёрки. Это самые престижные и кровавые бои.

Я попал в одну из пятёрок. В первую — ту, что открывала ежегодные Пандерлийские бои.

Готовиться к знаменитым боям бойцы школы начали с самого утра. Быстро поднявшись в шесть часов, без завтрака начали день с короткой пробежки. Затем, разгорячённые, приступили к боевой тренировке. Тренировались кто со спарринг-партнёром, кто, отрабатывая удары на роботах-тренажёрах.

Я же предпочёл после пробежки заняться комплексом дио. Не знаю ничего, что так восстанавливает силы и настраивает меня на поединок.

Удобно устроившись в углу обширного спортивного мата, я проделал комплекс изотермических упражнений, а затем занялся самоконцентрацией. Ргіняв позу Вирва, постарался уйти от действительности, сосредоточившись на своём внутреннем «я». Попытался отключиться от всего. Но полностью сделать мне это не удалось. Какие-то назойливые звуки не давали сконцен-

трироваться. Не давали сосредоточиться. Отбросив бесплодные попытки самоконцентрации, я прислушался. А прислушаться действительно стоило. Разговаривали несколько бойцов-варнавалийцев, тренирующихся неподалёку от меня. Говорили они на древневарнавалийском, да ещё с примесью какого-то неизвестного мне диалекта.

Вообще, варнавалийский, наверное, самый трудный язык в Галактике. По крайней мере, я ни в одном другом языке не встречал такого богатства форм с таким многообразием содержания. Богатства форм слов и многообразия предложений, состоящих из этих слов. И всё это в связке со звуками. Одно и то же слово, произнесённое с разной интонацией, означало совершенно различные понятия. А уровни? Во всех этих сложных, вложенных в части речи уровнях, наверное, не всегда разбирались и сами варнавалийцы. Тем более какой-то космодезист, лишь поверхностно изучивший основы их древнего языка.

Но всё же прислушивался я не зря. В оживлённом разговоре варнавалийцев я сумел уловить главное. Я понял — готовится побег. Не понял, когда и где, сколько бойцов участвует и кто именно собирается бежать, но то, что бежать собрались варнавалийцы, было точно. Никаких подробностей. Никаких имён. Единственное название, которое, старательно прислушиваясь, я смог разобрать, — Варлонские горы.

Варнавалийцев было немало в гладиаторской школе господина Карнава. Стройные, сильные, светловолосые потомки людей с планет-близнецов Варна и Валий всегда преуспевали в различных видах спорта. Потомки древних охотников на пикобизонов, варнавалийцы унаследовали от своих предков природные силу и ловкость. Великие воины и покорители космоса, они основали множество колоний по всей Галактике. Потомков этой древней, насчитывающей не одну сотню тысяч лет цивилизации можно было встретить в любом уголке Вселенной.

Можно было встретить и в гладиаторской школе господина Карнава. И в немалом количестве. По крайней мере, я насчитал среди бойцов не меньше двух десятков варнавалийцев. Большинство из них носили красную форму.

Заинтересованный случайно подслушанным разговором, я захотел посмотреть на варнавалийцев, готовящих побег. Чем Пустота не шутит, может, и я смогу попасть в их компанию. В компанию желающих покинуть лагерь господина Карнава.

Но пока я выходил из состояния отрешённости дио, пока выпутывался из хитроумной стойки-позы Вирва, варнавалийцы уже затерялись среди других гладиаторов.

Хоть я и не увидел бойцов, готовящих побег, мысли об этом не покидали меня до того момента, пока мы — отобранные для праздничных боев гладиаторы — не прибыли в Пандерлийс.

Думы о возможности вновь стать свободным занимали меня всю дорогу к замку. И пока нас, построившихся в колонну по двое, со скованными руками под усиленной охраной вооружённых надзирателей вели к пригнанному специально для этого большому валобусу. И пока мы забирались в грузовой, без окон, отсек валобуса. И пока, трясясь на воздушных ямах, летели к родному гнезду Карнава.

Я отвлёкся от этих дум лишь однажды. Когда на жёстком сиденье напротив себя заметил незнакомца с терминала контрабандистов. Того самого, с военной выправкой, с кем мы вместе попали в плен. В рабство к господину Карнава.

— Джаггер, Леон Джаггер, — приветливо улыбнувшись без лишних церемоний, представился я.

— Роджер Стоун, — ответил человек с армейской выправкой. — Рад вас видеть живым и невредимым.

— Да. Не повезло нам, — вздохнул я. — Хотя другим не повезло ещё больше.

Стоун неопределённо пожал плечами. Нельзя было прочесть в его непроницаемых стальных глазах и намёка на то, что он знает больше, чем я. Не церемонясь, я напрямую спросил моего товарища по несчастью:

— Послушайте, Стоун, со мной там в терминале была девушка. Майя. Вы случайно не знаете, что с ней? Куда она попала?

На секунду мне показалось, что Стоун что-то знает, в его жёстких непроницаемых глазах мелькнуло желание сообщить мне какие-то подробности. Но Стоун сдержался. Лишь неопределённо ответил:

— Я потерял сознание. Очнулся уже в лагере, так что ничего интересного рассказать вам не могу.

Всем военным вживляют в головной мозг антидепрессантные маяки и нейтрализаторы гипноизлучений. Поэтому депрессирующие поля не оказывают серьёзного влияния на солдат. Тем более на кадровых офицеров. Каким, по моему мнению, являлся и Роджер Стоун. На какое-то время сильное парализующее поле может сковать конечности военного, но лишь на какое-то время, и уж никак он не потеряет сознание от армейского парализатора.

Мой новый знакомый явно не хотел говорить правду, не хотел раскрывать то, что он не подвержен действию депрессантов. То, что он военный.

Почему он этого не хотел делать, оставалось для меня загадкой.

Отложив на потом решение этой проблемы, я вновь задумался о возможности побега. Мне казалось: сумею я убежать — у меня повысились бы шансы отыскать и освободить Майю. Когда сам свободен, сподручней спасать других. С руками и ногами, скованными энергонаручниками, не очень-то поспасаешь любимую.

«Непременное условие для побега — это быть свободным от наручников, — думал я. — Вот только как избавиться от энергобраслетов? Как получить такой шанс? Сколько мне придётся ждать? Год? Два? Проживу ли я столько? Проживёт ли в плену столько Майя?»

Вопросы, казалось, не имели ответа, однако ответы на них мне представились гораздо быстрее, нежели я думал. Прошло не больше часа, как всё переменилось.

Мы, бойцы из первой пятёрки, стояли у решётки выхода на арену и нервно разминались. Волновались все. И я, новичок в подобного рода боях, и мои более опытные товарищи — два похожих друг на друга, как братья, варнавалийца, небольшого роста, юркий, словно иканейская пчела, маркильянец и знакомый уже мне здоровый краснокожий тарнеец.

Энергобраслеты и ошейники с нас сняли. Без этого никак нельзя. Вдруг какой-нибудь шутник в самый разгар боя при помощи дистанционного управления активирует их? Или включит генераторы боли, встроенные в ошейник. Плакали тогда денежки поставивших на такого гладиатора. И денежки немалые. А такое нельзя допустить. Никак нельзя допустить. Подобные попытки пресекались в корне. Как пресекались любые способы психотропного воздействия на бойцов. Сквозь решётку я заметил несколько зонных антидепрессантных излучателей, чьи раструбы виднелись под куполом гладиаторского цирка. Всё должно было проходить по-честному. Применение допинга категорически запрещалось. Все гладиаторы прошли перед боем обязательный допинг-контроль.

Кроме шорт малинового — фамильного цвета рода Карнава — и лаг с необходимой амуницией, на нас ничего не было. Мы стояли и, нетерпеливо поглядывая сквозь решётку на арену цирка, не могли дожидаться начала боя. Боя, который, одному Богу известно, чем закончится. Кто из нас выйдет живым с этой арены, знал только Всевышний.

Ко мне подошёл Квадрат и дружески хлопнул по плечу. Он тоже участвовал в сегодняшнем бою. В одном из индивидуальных поединков.

— Помни о том, что я тебе говорил, Джаггер. Бей так, чтобы противника не пришлось добивать. Добить его шанса у тебя может не быть, — тихо проговорил старшина гладиаторов. — Это не тренировочный бой и даже не чемпионат по диоке. Это гладиаторские бои насмерть.

Я кивнул в ответ. Это я уже начал понимать.

— Костолом, береги спину, — услышал я предостережение от стоявшего рядом со мной краснокожего гиганта-тарнейца. — В таких массовых схватках это самое слабое место. Если спина у тебя будет надежно прикрыта — можешь отбиться от скольких угодно противников.

Я посмотрел на тарнейца. Похоже, краснокожий искренне желал мне удачи в поединке. Нет и намёка на вчерашний инцидент. По-другому и быть не могло. Когда смерть стоит от тебя в двух шагах, не до распрей и разборок.

— Слушайся старину Молота, я много крови пролил на этой арене.

— Спасибо, Молот, — поблагодарил я и кивнул в ответ.

Больше добавить я ничего не успел. Прозвучал удар колокола — сигнал к началу боя. Решётка с лязгом поднялась, и мы вышли на арену гладиаторского цирка.

Пандерлийский гладиаторский цирк походил скорее на Мерлезенскую оперу, нежели на место кровавых схваток. Богато отделанный ценными породами дерева с позолотой круг цирка никак не указывал на то, что через несколько минут здесь начнётся настоящая бойня. Высокие, обитые кожей шанхайских козлов кресла и тысячекапельная люстра ирокзанского хрусталя никак не ассоциировались с кровью, что вот-вот прольётся на песок этой арены.

Под потолком, в самом центре, висел большой, пять на шесть метров, портрет короля. Богато отделанный камзол и дорогой, весь в драгоценных камнях меч, поднятый монархом в приветствии, не могли скрыть ничтожности их обладателя. Людвиг Сорок Восьмой оказался сереньким, ничем не примечательным человеком. С каким-то мышиным взглядом затравленного животного и лицом, больше похожим на морду крысы, чем на лик человека.

Выйдя в ярко освещённый круг гладиаторского цирка, я огляделся. Кроме дорогой отделки и высоких, больше пяти метров, отвесных бортов, отделяющих арену от первого ряда, гладиаторский цирк не отличался от обычного, нормального цирка. Такая же разношёрстная публика с высоты глазеет на пятачок арены, такой же невнятный шум стоит в преддверии циркового представления. Вот только на арене здесь не циркачи и акробаты, не дрессированные медведи, а рабы. Рабы, которые сейчас погибнут на потеху праздной публике.

Да и публика тут подобралась соответственная. Я заметил недалеко от себя в первом ряду миловидную женщину с высокой диадемой. Вероятно, одну из жён богатых банкиров, примчавшуюся в Пандерлийс в надежде хорошо отдохнуть. Отдохнуть, посмотрев гладиаторские бои. Дама длинным ножичком сосредоточенно вырезала мякоть текобанана. Заметив, что я смотрю на нее, женщина мило улыбнулась и тут же воткнула свой острый ножичек в спину проходившего мимо неё и заслонившего на секунду арену молоденького раба-разносчика сладостей. Хорошо вышколенный раб вздрогнул от неожиданной боли и, даже не вскрикнув, а лишь прикрыв рану ладонью — чтобы, не дай бог, не закапать господ своей кровью, — продолжил путь.

Я, увидев отвратительную сцену, с омерзением отвернулся. И как раз вовремя.

Пятёрка наших противников уже стояла на арене. Пять высоких, на голову выше меня, одинаковых, словно близнецы, желтокожих братьев Шар. Узкоглазые гиганты переминались с ноги на ногу и, спокойно выбирая себе будущих противников, разглядывали нас. Ничего хорошего это не предвещало.

Братья Шар идеально подходят для массовых поединков. Действуя как слаженная машина, как единая команда, они имеют больше преимуществ в коллективном бою, чем отдельные сведённые в пятёрку бойцы. Братья понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда. Ведут единую стратегию боя, мгновенно приходя на помощь тому, кто в ней нуждается. Одним словом, противник попался нам серьёзный.

Я ожидал отдельного сигнала к бою и поэтому немного замешкался. Между тем бой уже начался. Едва бойцы вышли на арену, свет огромной хрустальной люстры под потолком потускнел. Лишь арена по-прежнему ярко освещалась лучами прожекторов. За спинами гладиаторов опустилась входная решётка. С этого момента они вольны были нападать на своих против-

ников. По установившейся традиции бойцы несколько секунд выбирали себе противников и, лишь определившись с выбором соперника, кинулись вперёд.

Не ожидавший столь быстрого начала схватки, я едва не пропустил удар бросившегося на меня желтокожего брата Шар. Его рука, вооружённая острой лагой, словно меч, просвистела в дюйме от моего лица. Едва не задев меня, узкоглазый гигант тут же атаковал вновь. Слишком грубовато и прямолинейно атаковал меня брат Шар. Я уже оправился от шока и был готов к бою. Отбив стальными пластинами, закреплёнными на руках, неуклюжие выпады противника, я сам как следует ударил. Нанёс боковой удар правой ногой. Один из самых сильных моих ударов. Желтокожий гигант едва смог парировать этот стремительный выпад. От встречи его блокировочных пластин с моей лагой посыпались искры. Ошеломлённый мощным ударом, брат Шар слегка отступил назад и на мгновение потерял контроль над ситуацией. Я сразу воспользовался замешательством желтокожего и, резко присев, стремительным веерообразным движением ударил левой ногой по лодыжкам противника.

Страшная всё-таки штука эти лаги. Драться в них — это не просто махать кулаками. Почти каждый пропущенный удар смертелен. Удары лагами разят бойцов, словно хорошо отточенные мечи.

Мой противник, с отрубленными до колен ногами, беззвучно грохнулся на арену гладиаторского цирка.

Я же, вспомнив совет Молота, отскочил от места поединка и быстро огляделся.

И сделал это вовремя. Гладиаторские бои с лагами стремительны. Бой может окончиться в считанные секунды. Здесь не бывает длительного обмена ударами, как в обычных драках. Каждый удар смертелен. Чуть замешкался — и твоя голова летит на песок арены, отрубленная более удачливым противником.

Как отлетела на арену гладиаторского цирка голова одного из варнавалийцев, неудачно подставившегося желтокожему брату Шар. Второй варнавалиец с трудом отбивался от нападков сразу двоих противников. По всему было видно, что долго ему не продержаться. Юркий маркильянец тоже сдавал. С трудом уклоняясь от мощных ударов желтокожего врага, он отступал к отвесному борту арены. К борту, залитому кровью таких же, как он, гладиаторов. Единственным, кто ещё держался, был тарнеец. Обменявшись со своим противником несколькими обильно кровоточащими ранами, Молот нисколько не сдал. Даже, наоборот, понемногу теснил противника.

Я едва успел, осмотревшись, оценить обстановку, как тут же вновь был атакован. Это парочка братьев Шар, изрубивших к тому времени оставшегося варнавалийца, кинулась на меня. В этот раз мне пришлось хуже. Труднее мне пришлось в этот раз отбивать атаки стремительно наседающих жёлтых братьев. Всё-таки двое противников — это не один. Надо быть вдвойне осторожным.

Слегка зазевался — и тут же конёк ножной лаги одного из братьев прочертил красную полосу на моём бедре. Ударивший меня желтокожий мгновенно отскочил, и я не успел достать его в ответ. Меня в этот момент атаковал другой брат Шар, и я, разозлённый, хоть и небольшим, но всё же ранением, выместил всю злобу на нём. Отбив его слишком прямолинейную попытку ударить меня в голову ногой, сам набросился на противника. Моя левая нога остроконечной лагой впилась в его грудь. И пока он, пошатнувшись, недоумённо рассматривал огромную рваную рану на своём теле, я другой ногой в прыжке добил желтокожего. Оторванная моим боковым ударом правой ноги голова брата Шар, словно панбольный мяч, улетела в сторону трибун.

Трибуны встретили мой удачный удар громогласным ревом. Они получили то, зачем пришли, — яркое кровавое зрелище. Я же тем временем едва не получил острый нож лаги в собственное брюхо. Приземлившись, с большим трудом увернулся от второго противника. Желтокожий, дождавшись, когда я опущусь на песок гладиаторской арены, коротко ударил рукой, целясь в мой живот. Лишь хорошая реакция спасла меня. Чудом увернувшись, я защитными

пластинами левой руки блокировал его удар. В тот же миг, резко разворачиваясь, нацелил шип налокотника правой руки в лицо брата Шар.

Острый шип, словно шило, со стуком воткнулся в переносицу желтокожего, и он с мёртвыми, застывшими глазами рухнул навзничь.

Избавившись от очередного врага, я вновь бросил взгляд на арену. К тому времени с ловким маркильянцем уже было покончено. Отрубив руку и перебив ногу бедняге, атаковавший его брат Шар наконец одолел своего противника. Взглянув на публику и увидев у большинства наблюдавших за этой бойней господ знак «нижний крест» — скрещённые руки, — который означал, что они желают смерти его менее удачливому сопернику, он стал добивать своего врага. Одновременным ударом рук по плечам маркильянца желтокожий нанёс ему страшные раны. Стоя на коленях, маркильянец с ужасом наблюдал за тем, как его убивают. Завершая удар — «цветок Агры», — желтокожий гигант одним мощным ударом буквально разнёс вдребезги череп противника. Маркильянец замертво свалился на песок цирка.

Всё это я наблюдал, пока, словно стремительная лань, летел к кровожадному брату Шар. Молот по-прежнему ещё держался. Правда, уже желтокожий теснил его, а не наоборот, но в целом тарнеец бился неплохо. Хотя против двоих противников он, конечно, не выдержал бы. Прекрасно это понимая, я бросился тарнейцу на выручку.

Рев трибун достиг апогея. Страсти бушевали нешуточные. Ставки делались на целые состояния. И те, кто ставил не на меня, явно были в проигрыше. Как проиграл и брат Шар, к которому я подскочил в этот момент.

Заметив меня и оставив попытки атаковать спину Молота, желтокожий встретил нового противника несколькими ударами рук. Удары его вышли вялыми. Всё же юркий маркильянец порядком измотал гиганта. И он, понадеявшись на свою силу и стараясь побыстрее разделаться со мной, несколько раз ударил не очень удачно.

Брат Шар всё же успел царапнуть меня по рёбрам, но такая рана меня уже не могла остановить. Встречным ударом правой руки в мощный бицепс противника я лагой перебил руку желтокожему. Конечность моего врага отлетела в сторону, и я тут же вновь стремительно ударил. Прямо в живот гиганта. Брызнула кровь, и желтокожий, вскрикнув от невыносимой боли, упал на колени. Разгорячённый боем, он неуклюже в течение нескольких секунд пытался впихнуть свои изорванные внутренности обратно в живот. Пока наконец, смертельно побледнев, не свалился на песок арены цирка. Песок, окроплённый его кровью.

Я же, не обращая внимания на возмущённые крики господ сверху, на их скрещённые руки, на их требования добить моего противника, бросился на помощь тарнейцу.

И вовремя бросился. Ещё секунда — и не стало бы здоровья Молота. Добил бы его последний оставшийся брат Шар.

Молот сидел на полу арены и, полуоглушённый мощным ударом противника, очумело крутил головой. Желтокожий удачно достал его ногой в голову. И если бы не прочный шлем, валялся бы сейчас Молот с раздробленным черепом, как маркильянец. И добил бы не успевшего очухаться тарнейца последний из братьев Шар, не приди я вовремя на выручку. Но я пришёл и успел спасти краснокожего здоровьяка.

Заметив, что я большими прыжками приближаюсь к нему, брат Шар переключился с Молота на меня. Хотел по-быстрому разделаться со мной и потом уже заняться недобитым тарнейцем.

Так оно и вышло. По-быстрому. Только разделались с самим желтокожим гигантом. Недолго думая, я в прыжке, выставив вперёд правую ногу, ударил последнего брата Шар. Я надеялся на то, что силы у него уже не те, да и реакция наверняка ослаблена после схватки с Молотом. И я оказался прав. Желтокожий даже не успел среагировать. Даже не смог подставить руки, прикрытые пластинами, чтобы блокировать удар. Моя лага, словно нож в масло, вошла в его тело. Перебив рёбра, ножи лаги мгновенно превратили в кровавое месиво грудь

гиганта. Искромсали сердце желтокожего брата Шар. Сбитое ударом тело мертвого противника, пролетев несколько метров, грохнулось на песок, подняв целую тучу пыли.

«Всё. Я опять жив. Ненадолго, но жив», — подумал я, оглядывая поле боя.

Устало посмотрел на валявшиеся повсюду искалеченные, безжизненные тела гладиаторов. На густо орошённую их кровью арену цирка. Потом медленно перевёл взгляд наверх. На всю эту гнусную публику, которая сейчас частью веселилась, радуясь неожиданно выигранным деньгам, частью печалилась, потеряв свои капиталы. До людей же, погибших только что на арене этого мрачного цирка, им не было никакого дела. Ненависть мутной волной внезапно поднялась во мне. Ненависть к этим нравственным уродам, к этим существам, недостойным называться людьми. Ненависть к рабовладельцам. Сами животные, они сделали из меня такое же животное, которое ради их потехи убивает себе подобных. Хотя нет — животных я оскорблял зря: те никогда не убивают ради забавы.

Кто-то тронул меня за плечо, и я, словно ужаленный, отскочил. Рядом стоял Молот. Он, сбросив с израненной руки лагу, приветливо произнёс:

— Спасибо, Костолом, если бы не ты, мои мозги сейчас украшали бы этот кровавый песок.

— Не за что, — ответил я. — Всегда рад помочь другу. И вот что, Молот, можешь звать меня Джаггер, Леон Джаггер. Или, на худой конец, Тутанканара.

— Спасибо, Тутанканара, — ещё раз поблагодарил тарнеец. — Теперь я у тебя в долгу, а долг он, как известно, платежом красен.

Он хотел ещё что-то добавить, но в этот момент громогласные фанфары известили о конце боя. Мы победили.

Фанфары вновь троекратно протрубили, и свет с арены цирка переместился на одну из специальных лож. В сфокусированном пятне света все увидели великого господина Карнава — устроителя праздника. Эрц-герцог сиял. Ещё бы, его гладиаторы выиграли первый, самый престижный бой у знаменитого цирка Таранта. И он наконец-то смог восстановить убытки, понесённые в прошлом году. Карнава сделал шаг к перилам балкона, и тотчас стоявшие у него за спиной стеротарги шагнули следом за своим хозяином.

— Дамы и господа, владетели и владелицы! — начал он торжественно. — Я рад приветствовать вас в стенах Пандерлийса — родового замка фамилии Карнава. Добро пожаловать на ежегодные гладиаторские бои, посвящённые памяти основателя династии великого Мегро фон Карнава. Да пребудет с нами священный Пандерлонос. Да будет вечно жить его Величество Людвиг Сорок Восьмой.

Эрц-герцог величественным жестом указал на портрет Императора. По рядам пронёсся гул одобрения. Дамы замахали веерами. Офицеры, встав, отдали честь портрету.

Я же тем временем, не слушая хвалебной речи эрц-герцога, решил помочь искалеченному мною гладиатору. Первому, с перерубленными ногами. Бой закончился, и он больше не был мне врагом. А был таким же горемыкой, как я. Таким же рабом.

Я направился к брату Шар, который уже успел сбросить ручные лаги и, сидя на песке, пытался остановить кровотечение. Это плохо получалось у желтокожего, от потери крови он слабел с каждой секундой. Двумя неизвестно откуда взявшимися кожаными верёвками он безуспешно старался наложить жгуты на свои искалеченные ноги.

Я, быстро освободившись от ручных лаг, подошёл к испуганному, решившему, наверное, что я хочу его добить, бедняге и помог ему наложить жгуты. Желтокожий благодарно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

«Всё будет нормально, приятель. Приделают тебе новые конечности, и вновь будешь скакать как заяц», — сказал я, хлопнув брата Шара по плечу.

В этот момент свет с фамильной ложи Карнава переместился на балкон почётных гостей. В свете юпитера появился неимоверно толстый, с лицом, усыпанным большими бородавками,

человек. Он был в красной мантии и колпаке, похожем на поварской. Но это был отнюдь не повар. Скорее мясник. Великий господин Тор Квандерлонский, больше известный как Тор Кровопийца, собственной персоной.

— Дамы и господа, — работорговец кивнул в сторону зала. — Уважаемый Лесли фон Карнава! Я рад, что стал свидетелем великолепного зрелищного боя. Зрелища, подобного которому не видел уже давно. И я увидел великолепного бойца. Бойца, который один стоит многих. И готов прямо сейчас предложить за этого великолепного бойца триста тысяч. Ваше слово, господин Карнава.

Сумма, предложенная за меня богачом-миллионером, была столь велика, что весь зал затаил дыхание. Несуразность предложенных денег за одного-единственного раба поражала воображение.

Но, похоже, эрц-герцога эта сумма несколько не поразила. Секунду подумав, он высокопарно ответил:

— Мне льстит ваше внимание, великий Тор Квандерлонский, но этот раб не продаётся.

Тор Кровопийца чуть не проглотил язык. Столько он ещё никогда и ни за кого не предлагал.

— Пятьсот тысяч, — наконец обрета речь, проговорил миллионер.

Зал снова ахнул. Ставки росли с невероятной быстротой.

— Благодарю вас, дорогой Тор, но нет, — вновь ответил Карнава.

На его красивом, почти женственном лице — лице благородного господина — застыло надменное выражение. Высокомерное выражение лица отпрыска древнейшей дворянской фамилии.

— Миллион, — чуть слышно проронил Кровопийца, и зал замер.

Не знаю, чем закончились бы эти торги. Сломался бы наконец надменный Карнава или же устоял перед искушением.

В самый напряжённый момент, в тот момент, когда все присутствующие в зале ждали ответа Карнава, раздалось несколько выстрелов, яркие вспышки осветили полутемную арену, и на песок гладиаторского цирка выбежали бойцы. Бойцы насмерть.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.